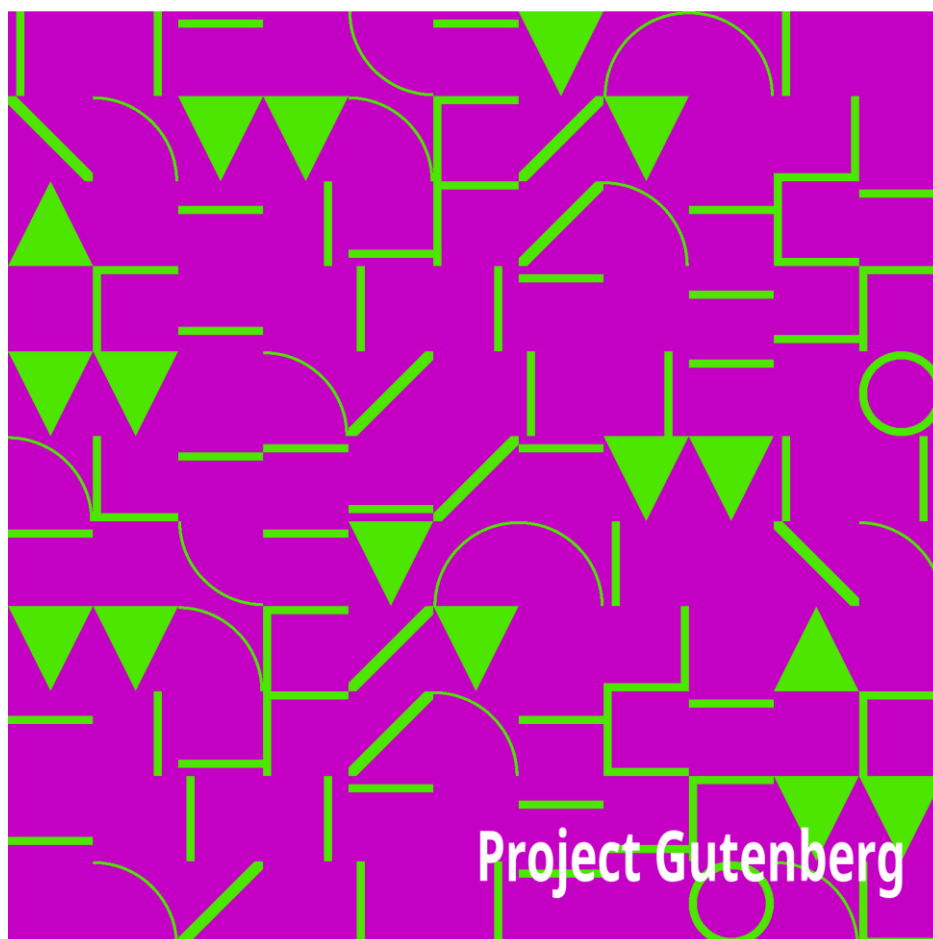

Миссии иезуитов: хроника Креста в пустыне

Томас Гатри Маркиз

**The Jesuit Missions : A Chronicle of the
Cross in the Wilderness**

Thomas Guthrie Marquis et al.

Электронная книга проекта " Гутенберг " о иезуитских миссиях : Хроника креста в пустыне

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Миссии иезуитов : Хроника Креста в пустыне

Автор: Томас Гатри Маркиз

Редактор: Х. Х. Лэнгтон

Джордж Маккиннон ошибается

Дата выхода: 1 августа 2003 г. [Электронная книга № 4388]

Последнее обновление: 27 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: toronto: s.n., 1916

Титры: Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " МИССИИ ИЕЗУИТОВ : ХРОНИКА
КРЕСТА В ПУСТЫНЕ" ***

Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом

ХРОНИКИ КАНАДЫ

Под редакцией Джорджа М. Вайна и Х. Х. Лэнгтона

В тридцати двух томах

Том 4

МИССИИ ИЕЗУИТОВ

Хроника Креста в пустыне

ТОМАС ГАТРИ МАРКИЗ

ТОРОНТО, 1916

ГЛАВА I

МОНАХИ - РЕКОЛЛЕТ

В течение семи лет колония, которую Шамплейн основал на скале в Квебеке, жила без священников. [Примечание: Общую историю периода, охватываемого первыми четырьмя главами настоящего повествования, смотрите в "Основателе Новой Франции" из этой серии.] Возможно, этот недостаток не ощущался всерьез, поскольку большинство из двух десятков обитателей поселения были торговцами-гугенотами. Но по великой земле, во всех направлениях от грубых жилищ, в которых жили первопроходцы Канады, бродили дикие племена, живущие, по словам Шамплена, "как дикие звери". Горячим желанием Шамплена было вернуть этих обитателей дикой природы. Спасение одной души было для него "более ценным, чем завоевание империи". Недалеко от его родного города Бруаж существовала община Реколлет, и во время одного из своих периодических визитов во Францию он предложил им послать миссионеров в Канаду. Реколлеты откликнулись на его призыв, и было условлено, что несколько человек из их числа следующей весной отправятся с ним на остров Святого Лаврентия. Итак, в мае 1615 года три монаха—реколлета - Дени Жаме, Жан д'Ольбо, Жозеф Ле Карон - и брат-мирянин по имени Пацификус дю Плесси высадились в Тадуссак. Этим четверем мужчинам принадлежит честь основать первую постоянную миссию среди индейцев Новой Франции. Более раннее начинание иезуитов в Акадии (1611-13) было сорвано. Канадскую миссию обычно ассоциируют с иезуитами, и это правильно, поскольку им, как мы увидим, принадлежит ее самая славная история; но именно Реколлеты проложили этот путь первыми.

Когда монахи добрались до Квебека, они устроили разделение труда следующим образом: Жаме и Дю Плесси должны были остаться в Квебеке; Д'Ольбо должен был вернуться в Тадуссак и приступить к сложной задаче обращения племен вокруг этой рыболовецкой и торговой станции; в то время как Ле Карону было выделено более отдаленное поле, но обещающее богатый урожай. В шестистах или семистах милях от Квебека, в районе озера Симко и залива Джорджиан-Бей, жили гуроны, оседлый народ, живший в деревнях и занимавшийся примитивным земледелием. В этом отношении они отличались от алгонкинских племен Святого Лаврентия, которые не имели постоянного места жительства и зарабатывали на жизнь лесом и ручьем. Гуроны тоже были связаны с французами как войной, так и торговлей. Шамплейн помогал им и алгонкинам в битве против общего врага, ирокезов, или пяти народов, и флотилия каноэ из страны гуронов, доставлявшая меха на один из торговых постов на реке Святого Лаврентия, была ежегодным мероприятием. Таким образом, семья Реколлет была уверена в дружеском приеме среди гуронов, и Ле Карон с воодушевлением готовился к путешествию на свое далекое миссионерское поприще.

6 или 7 июля Ле Карон в сопровождении отряда гуронов отправился с острова Монреаль. Гуроны приехали сюда торговать и договориться с Шампленом об очередной карательной экспедиции против ирокезов, а теперь возвращались в свои деревни. Это было трудное и болезненное путешествие — вверх по Оттаве, через озеро Ниписсинг и вниз по Френч—Ривер, - но в конце концов монах оказался на берегу озера Гурон, первым из белых людей увидевших его воды. От устья Френч-Ривер путь лежал на юг всего лишь на сто миль вдоль восточного берега залива Джорджиан, пока группа не достигла полуострова, лежащего между заливами Ноттавасага и Матчедаш. В трех или четырех милях от западного берега этого полуострова находился город Кархагуха, обнесенный тройным частоколом оплот гуронов. Здесь индейцы

оказали священнику восторженный прием и пригласили его разделить их общие жилища; но поскольку он желал уединения, "в котором он мог бы медитировать в тишине", они построили ему просторную хижину отдельно от деревни. Несколько дней спустя на сцене появился сам Шамплен; и именно 12 августа он и его последователи посетили в хижине Ле Карона первую мессу, отслуженную на территории нынешней провинции Онтарио. Затем, в то время как Ле Карон начал свои усилия по обращению невежественных гуронов, Шамплен отправился с воинами совсем с другой миссией — вторгнуться в страну ирокезов. Начало религиозной деятельности в Гуронии, таким образом, отмечено событием, которое должно было усилить ненависть свирепых ирокезов как к гуронам, так и к французам.

Ле Карон провел остаток 1615 года среди гуронов, изучая людей, язык и составляя словарь. Шамплен, завершив свою экспедицию, вернулся в Гуронию и оставался там до середины января, когда он и Ле Карон отправились в гости к Петуну, или Табачному народу, который тогда жил на южном берегу залива Ноттавасага, в двух днях пути к юго-западу от Кархагухи. Прямого общения между французами и петунами еще не было, и посетителей принимали не слишком любезно. Петунские колдуны или знахари боялись влияния монаха в серой рясе, считали его соперником и высмеивали его учение. После трудного месяца Шамплен и Ле Карон вернулись в Кархагуху, где оставались до 20 мая, а затем отправились в Квебек.

Когда Ле Карон добрался до Квебека 11 июля (1616 г.), он обнаружил, что его товарищи не сидели сложа руки. На территории нынешнего Нижнего города, недалеко от жилья, была построена часовня, и здесь отец Джамай служил духовным нуждам колонистов и трудился среди индейцев, разбивших лагерь неподалеку от фактории. Отец д'Олбо был занят среди монтанье, кочующего алгонкинского племени между Тадуссаком и Семью островами, и наградой ему были в основном страдания. Грязь и дым индейских вигвамов мучили его, отвратительная пища туземцев вызывала у него отвращение, а их порок и безразличие к его учению угнетали его дух.

Самым большим испытанием, выпавшим на долю Реколлет, было противодействие Компании Сен-Мало и Руана, которая состояла в основном из гугенотов и обладала монополией на торговлю в Новой Франции. Многие торговцы были активно настроены против распространения католической религии, и все они враждебно относились к работе Реколлетов. Целью миссионеров было побудить индейцев селиться вблизи торговых постов, чтобы до них было легче донести Евангельскую весть. У торговцев была только одна мысль — о прибылях от торговли пушниной; и, желая сохранить индейцев кочевыми охотниками за пушниной, они выступали против переселения их в постоянные жилища и чинили всяческие препятствия на пути монахов. Подготовленным переводчикам, работавшим в компании как для гуронов, так и для различных алгонкинских племен, было приказано не помогать миссионерам в овладении родными языками. Компания обязалась оказывать поддержку шести миссионерам, но эта поддержка была оказана неохотно и скупно.

Наконец, в 1621 году, в результате жалоб Шамплена и Реколле перед властями Франции, Компания Сен-Мало и Руана потеряла свой устав, а торговые привилегии были предоставлены Уильяму и Эмери де Канам, дяде и племяннику. Но эти люди также были гугенотами, и печальное положение дел продолжалось в усиленной форме. Шамплен, хотя и был номинальным главой колонии, не мог обеспечить выход из положения, поскольку реальная власть находилась в руках канцев, у которых на службе было практически все население.

И все же, несмотря на все препятствия, возникшие на их пути, Реколлеты продолжали свой самоотверженный труд. К началу 1621 года у них была комфортабельная резиденция на берегу реки Сент-Чарльз, на том месте, где сейчас стоит Главный госпиталь. Здесь им выделили двести акров земли, и они обрабатывали ее, выращивая скудные урожаи ржи, ячменя, кукурузы, и пшеницы, а также ухаживая за несколькими свиньями, коровами, ослами и домашней птицей. Время от времени в их ряды вступали новые люди. Между 1616 и 1623 годами отцы Гийом Пуллен, Жорж ле Байиф, Поль Юэ, Жак де ла Фойе, Николя Вьель и несколько братьев-мирян, наиболее известным среди которых был Габриэль Сагард-Теодат, трудились в Новой Франции. Они предпринимали попытки обратить в христианство микмаков Акадии, абнаков верхнего Сент-Джона, алгонкинские племена нижнего Сент-Лоуренса и ниписсингов верхней Оттавы. Но работа среди этих бродячих банд оказалась крайне обескураживающей, и монахи в серых рясах снова обратились к гуронам.

Конец августа 1623 года застал Ле Карон, Вьель и Сагард в Гуронии. До октября они, по-видимому, трудились в разных поселениях: Вьель в Туанче, недалеко от залива Пенетангишене, Сагард в Оссоссане, недалеко от залива Доултс, в углублении залива Ноттавасага, и Ле Карон в Кархагоухе. Не похоже, чтобы они смогли произвести большое впечатление на дикарей, хотя те получили удовлетворение от некоторых крещений. Зимой Сагард изучал индейские обычаи и идеи и с помощью Ле Карона составил словарь гуронского языка. [Примечание: Наблюдения Сагарда впоследствии были представлены миру в его "Истории Канады и воспоминаниях о путешествиях переса в Новой Франции".] Затем, в июне 1624 года, Ле Карон и Сагард сопровождали ежегодную флотилию каноэ в Квебек, и Вьель остался один в Гуронии.

Реколлеты были обескуражены. Они увидели, что поле слишком велико и что трудности слишком велики для них. И, призвав "свет Святого Духа", они решили, по словам Сагарда, "послать одного из своих членов во Францию, чтобы изложить предложение отцам—иезуитам, которых они сочли наиболее подходящими для работы по установлению и распространению Веры в Канаде". Таким образом, отец Ириней Пиат и брат Габриэль Сагард были отправлены умолять о спасении канадской миссии величайший из всех миссионерских орденов — орден, который "наполнил весь мир памятниками о великих делах, совершенных и выстраданных за Веру" - воинственное и могущественное Общество Иисуса.

ГЛАВА II

ИЕЗУИТЫ В КВЕБЕКЕ

15 июня 1625 года стало знаменательным днем для колонии Новая Франция. В то утро судно с тупым носом и высокими носами бросило якорь перед маленькой торговой деревушкой, сгрудившейся у подножия большого утеса в Квебеке. Это был корабль, принадлежавший канам, и он пришел, доверху нагруженный припасами для колонистов и товарами для торговли с индейцами. Но, что было более важно, пассажирами были иезуиты, посланные на помощь Реколлетам, первым из последователей Лойолы, вступившим в Церковь Святого Лаврентия, — отцы Шарль Лалеман, Эннемон Массе, Жан де Бребеф и два брата-мирянина из Общества. Эти священники в черных рясах были предшественниками армии людей, которые, неся Крест вместо меча и выполняя свои трудные задачи в смирении и послушании, но с неустрашимым мужеством и неослабевающим рвением, должны были распространить свое влияние от Гудзонова залива до Мексиканского залива и от омываемых морем берегов Кейп-Бретона до

продуваемых всеми ветрами равнин Великого Запада. Они были авангардом армии настоящих солдат, о которых говорят слова

Их дело не рассуждать почему,
Их дело - делать и умирать,

вполне могло бы быть написано. Миссионер-иезуит в Северной Америке не думал о мирской выгоде или славе, но, устремив свой ум к вечности, он выполнил свою задачу *ad maiorem Dei gloriam*, во имя вящей славы Божьей.

Иезуиты отплыли из Дьеппа 26 апреля в сопровождении монаха-реколлета Ла Рош де Дайона, о котором мы вскоре услышим подробнее. Путешествие через штормовую Атлантику было долгим и утомительным. На судне, принадлежащем гугенотам, священники подверглись насмешкам команды и торговцев. Вице-король Новой Франции, герцог де Вентадур, набожный католик, вынудил торговцев-гугенотов уступить проезд этим священникам, иначе их не пустили бы на борт корабля. Гораздо лучше гугеноты могли бы терпеть смиренных, нищенствующих реколлетов, чем иезуитов, агрессивных и могущественных, бескомпромиссных противников кальвинизма.

Когда был брошен якорь, иезуиты начали готовиться к высадке, но их ожидало временное разочарование. Шамплен отсутствовал во Франции, и Эмери де Кан сказал, что не получал никаких инструкций от вице-короля о допуске их в колонию. Более того, им сказали, что для них нет места ни в жилище, ни в форте. Что еще хуже, среди жителей была распространена резкая, клеветническая обличительная речь против их ордена, и двери как католиков, так и гугенотов были закрыты перед ними. Заключенные на корабле, у самых ворот земли обетованной, им, казалось, не оставалось иного выхода, как вернуться на том же судне во Францию. Но внезапно добрые руки подняли их из глубин отчаяния. К их судну приблизилась лодка, управляемая людьми, прикрепленными к Реколлетам. Вскоре несколько монахов, одетых в грубые серые рясы, с узловатым шнуром ордена Реколлет на талии, с островерхими капюшонами, свисающими с плеч, и грубыми деревянными сандалиями на ногах, предстали перед ними на палубе, оказав им сердечный прием и предложив приютить их с использованием половины зданий и земли на "Сент-Чарльзе". Иезуиты с радостью приняли это предложение и были доставлены на берег в лодке великодушных монахов. Коснувшись земли Новой Франции, они упали на колени и поцеловали землю, невзирая на хмурых торговцев вокруг.

Разочарование этих агрессивных пионеров Церкви, должно быть, было велико, когда они увидели Квебек. Прошло уже семнадцать лет с тех пор, как была основана колония, а в ней проживало менее ста человек. Во всей Канаде было всего семь французских семей и только шесть белых детей. За исключением Луи Эбера, первого, кто начал обрабатывать землю в Квебеке, и семьи Реколлет, не было предпринято никаких попыток заняться сельским хозяйством, и колония почти полностью зависела от Франции в плане средств к существованию. Когда мужчины не были заняты сбором пушнины или погрузкой-разгрузкой судов, они бездельничали на торговых постах или забредали в охотничьи угодья индейцев, где жили в нищете и пороке. Алчность торговцев приносила свои естественные плоды, и неустанные усилия Шамплена, преданного, ревностного патриота, были бессильны противостоять ей. Колония остро нуждалась в самоотверженных иезуитах, но метрополия, несомненно, вскоре отбросила бы их как бесполезное бремя. Им Канада, действительно, была

обязана своей жизнью; ибо, когда королю надоело тратить деньги на эту убыточную колонию, волнующие призывы Родственников [Примечание: Правилom Общества Иисуса было, что каждый из его миссионеров должен написать отчет о своей работе. Эти отчеты, известные как Relations, обычно печатались и продавались книготорговцами Парижа. Около сорока томов Relations от миссий Канады были опубликованы между 1632 и 1672 годами и широко читались во Франции.] побудило и короля, и народ поддерживать его до тех пор, пока не пришло время, когда Новая Франция стала цениться как барьер против Новой Англии.

Едва иезуиты почувствовали себя как дома в монастыре Реколлет, как начали планировать миссию. Было решено, что Лалеман и Массе останутся в Квебеке; но Бребеф, полагая, как и Реколлет, что среди постоянно меняющихся алгонкинов мало что может быть сделано постоянного значения, пожелал немедленно отправиться в густонаселенные города Гуронии. В июле Бребеф вместе с командой Recollet La Roche de Daillon отправился в Три Реки. Индейцы — гуроны, алгонкины и оттава — собрались на мысе Виктори, мысе в озере Святого Петра, недалеко от того места, где озеро снова сужается и впадает в реку Святого Лаврентия. Там также стояли французские суда, груженные товарами для обмена; и туда отправились два миссионера, чтобы подружиться с индейцами и запастись товарами для путешествия в Гуронию и для использования в миссии. Капитаны судов казались дружелюбными и снабдили священников цветными четками, ножами, котелками и другими предметами. Все шло хорошо во время путешествия, когда накануне отъезда из Монреаля прибыл гонец, принесший дурные вести.

В течение года Реколлет Николя Вьель оставался в Гуронии. В начале 1624 года он написал отцу Пиату, надеясь, что тот сможет жить и умереть в своей гуронской миссии в Кархагухе. Нет никаких записей о его пребывании в Гуронии зимой 1624-25 годов. Одинокaй среди дикарей, со скудным знанием их языка, его дух, должно быть, был подавлен бременем, почти непосильным для него; он, должно быть, тосковал по обществу людей его родного языка и веры. Как бы то ни было, в начале лета 1625 года он отправился в Квебек с отрядом гуранов-торговцев с целью провести некоторое время в уединении в резиденции на берегу реки Сент-Чарльз. Ему так и не суждено было добраться до места назначения. По прибытии в Ривьер-де-Прери его индейские проводники, вместо того чтобы перетащить свои каноэ через коварные пороги этой реки, попытались управлять ими, и последовала катастрофа. Каноэ, в котором находились отец Виель и молодой новообращенный гурон по имени Ахаустик (Маленькая рыбка), перевернулось, и оба утонули.

[Примечание: С тех пор этот порог известен как Су-о-Реколле, а близлежащая деревня носит название Ахунцич, искаженное от имени молодого новообращенного. Отец А. Э. Джонс, S. J., в своей книге "Старая Гурония" (Архивы Онтарио) указывает, что такому слову, как ахунцик, не нашлось места в словаре гуранов.]

История, дошедшая до Кейп Виктори, заключалась в том, что трагедия произошла из-за предательского поведения трех злобных гуранов, которые позарились на то, что было у священника с собой. По совету торговцев, которые опасались, что гураны были не в настроении принимать миссионеров, Бребеф и Дайон решили пока не предпринимать попыток подняться на Оттаву и вернулись в Квебек. Десять лет спустя такой отчет не побудил бы Бребефа повернуть назад, но стал бы дополнительным стимулом двигаться вперед.

ГЛАВА III

В ГУРОНИИ

Иезуиты, за исключением Бребефа, провели зиму 1625-26 годов в монастыре Реколлет, без сомнения, терпя лишения, поскольку в то время в колонии не хватало продовольствия. Бребеф, которому не терпелось понаблюдать за индейцами в их домах, присоединился к группе охотников-монтанье и отправился с ними к местам их зимовки. Он сильно страдал от голода и холода, а также от антисанитарных условий, в которых был вынужден жить в грязных, прокуренных, кишасших паразитами жилищах дикарей. Но железное телосложение сослужило ему хорошую службу, и он присоединился к своим товарищам-миссионерам, ничуть не пострадав из-за своего опыта. Он также неплохо изучил диалект горцев и понял, что смелость и непреклонность в страданиях во многом способствовали завоеванию уважения дикарей Северной Америки.

5 июля взоры колонистов Квебека были обрадованы видом флотилии судов, поднимавшихся вверх по реке. Это были суда снабжения компании, а на "Кэтрин", судне водоизмещением в двести пятьдесят тонн, находился Шамплен, на которого иезуиты могли положиться как на друга и защитника. Прошлой осенью Лалемант выбрал плодородный участок земли на левом берегу Сент-Чарльза, между рекой Бопор и ручьем Сен-Мишель, как подходящее место для постоянного жилья, и направил Шамплена с просьбой выделить эту землю для иезуитов. Шамплейн передал запрос вице-королю, и теперь он привез с собой официальные документы о предоставлении земли. Девять дней спустя прибыло судно водоизмещением восемьдесят тонн с припасами и подкреплением для миссии. На этом судне прибыли отцы Филибер Нойро и Анна де Нуэ с братом-мирянином и двадцатью рабочими и плотниками.

Иезуиты выбрали место для построек в излучине реки Сент-Чарльз примерно в миле от форта. Здесь, напротив Пуэнт-о-Ливр (Заячий мыс), на пологом лугу в двухстах футах от реки, они расчистили землю и возвели два здания — одно должно было служить складом, конюшней, мастерской и пекарней, а другое - резиденцией. В резиденции было четыре комнаты — часовня, трапезная с кельями для отцов церкви, кухня и жилое помещение для рабочих. Там также был просторный подвал и чердак, служивший спальней для братьев-мирян. Здания были из грубо обтесанных досок, швы замазаны глиной, а крыши покрыты луговой травой. Таким был Нотр-Дам-де-Анж. В этой скромной обители люди должны были обучаться нести Крест в канадской глуши, и оттуда они должны были идти в течение многих лет непрерывной вереницей, прокладывая путь исследователям, торговцам и поселенцам.

Почти одновременно с прибытием Нойро и Нуэ флотилия каноэ, доверху нагруженных мехами, прибыла из страны гуронов. Бребеф решил отправиться в далекую Гуронию; Нуэ и Реколлет Дайон преследовали те же цели; и все трое умоляли гуронов проводить их в обратный путь. Индейцы выразили готовность пропустить Реколле Дайона; они знали "серых мантий", но они не знали иезуитов, "черных мантий", и они не решались брать с собой Бребефа и Нуэ, ссылаясь в качестве оправдания на то, что такому дородному человеку, как Бребеф, грозит опасность опрокинуть их хрупкие каноэ. Однако щедрая раздача подарков убедила гуронов принять Бребефа и Нуэ в качестве пассажиров.

Ближе к концу июля, как раз когда велись приготовления к закладке фундамента для резиденции Нотр-Дам-де-Анж, трое отцов церкви и несколько французских помощников

отправились вместе с гуронами в долгое путешествие к берегам Джорджиан-Бэй. Бребеф был в состоянии экстаза. Он тосковал по многочисленным городам гуронов. Он был уверен в себе и верил, что сможет сделать жителей этих городов последователями Христа и оплотами Франции в Новом Свете. В течение двадцати трех лет он должен был посвятить свою жизнь этой задаче; в течение двадцати трех лет, за исключением короткого промежутка, когда английский флаг развевался над Квебеком, он должен был руководить гуронской миссией. Он был поразительной фигурой. Благородного происхождения, почти гигантского роста, с солдатской выправкой, привлекавшей всех наблюдателей, он блистал бы при дворе короля или во главе армии. Но он пожертвовал мирской карьерой ради Церкви. И ни один человек из его предков, один из которых сражался под командованием Вильгельма Завоевателя при Гастингсе, а другие - в Крестовых походах, никогда не вел себя более благородно, чем Бребеф в лесах Канады, и не покрыл себя большей славой.

Путешествие было сопряжено с опасностями, поскольку ирокезы были на тропе войны с гуронами и французами и нападали на поселенцев даже в окрестностях Квебека. Уделом путешественников был непрестанный тяжелый труд. Им приходилось грести против течения, тащить каноэ через участки, где вода была слишком быстрой для гребли, и преодолевать бурные пороги и водопады. Миссионеры были вынуждены выполнять свою долю работы. Ноуэ, уже немолодой, часто терял сознание от тяжелого труда. Бребеф не только поддерживал его, но и во время многих переездов, которых всего было тридцать пять, перевозил двойной груз багажа. В пакетах были не только одежда и еда, но и священнические облачения, принадлежности для алтаря, картины, вино для мессы, свечи, книги и письменные принадлежности. Маршрут пролегал по маршруту, по которому Ле Карон следовал одиннадцать лет назад, вверх по Оттаве, вверх по Маттаве, через волок к озеру Ниписсинг, а затем вниз по Френч-Ривер. Прибыв в залив Пенетангишене, они высадились в деревне под названием Отуача. Затем они проехали полторы мили вглубь острова, через мрачные леса, мимо возделанных участков кукурузы, фасоли, тыкв, кабачков и подсолнухов, до Туанче, где обнаружили, что хижина Визля все еще стоит. В течение трех лет здесь должна была находиться штаб-квартира Бребефа.

Гурония располагалась на территории нынешнего округа Симко, Онтарио, и включала в себя нынешние поселки Тайни, Тэй, Флос, Медонте и Оро. На востоке и севере лежали озера Симко и Кучичинг, река Северн и залив Матчедаш; на западе - залив Ноттавасага. Через залив или по суше, примерно в двух днях пути, там, где сейчас находятся графства Брюс и Грей, жили петуны, а примерно в пяти днях пути к юго-западу - нейтралы. Последнее племя оккупировало полуострова Ниагара и Детройт, проникло в штаты Мичиган и Нью-Йорк и распространилось на север до Годерича и Оквилла в Онтарио. Все эти народы, а также андасты нижней Саскуэханны принадлежали к тому же языковому фонду, что и ирокезы, жившие к югу от озера Онтарио. Народы, говорившие на языке гуронов-ирокезов, таким образом, заняли центральную часть восточной половины Северной Америки, в то время как повсюду вокруг них, на севере, юге, востоке и западе, кочевали племена, говорившие на диалектах алгонкинов.

Большая часть гуронов [Примечание: происхождение имени гурон неясно. Слово "ГУРОН" использовалось во Франции еще в 1358 году для описания неотесанных крестьян, восставших против знати. Но, по словам отца Шарля Лалемана, французский моряк, впервые увидев гуронов в Тадуссак в 1600 году, был поражен их фантастической манерой укладывать волосы — жесткими гребнями с выбритыми бороздами между ними — и воскликнул: "Quelles hures!" —

какие кабаньи головы! На своем родном языке они были известны как уендаты (жители полуострова), название, сохранившееся до сих пор в искаженной форме вайандотов.] Города были окружены бревенчатыми частоколами. Дома были разных размеров, и некоторые из них достигали более двухсот футов в длину. Они были построены самым грубым образом. Два ряда крепких молодых деревьев были воткнуты в землю примерно на расстоянии двадцати пяти футов друг от друга, затем согнуты так, чтобы образовалась арка, и покрыты корой. В крыше была оставлена открытая полоса для выхода дыма и света. В каждом доме укрывалось от шести до дюжины семей, в зависимости от количества пожаров. У каждого костра жило по две семьи, и зимой вокруг костра толпились дети, собаки, юноши, ярко разодетые девушки, болтающие скво и беззубые, ослепленные дымом старики. Уединения там не было никакого. Вдоль стен каюты, примерно в четырех футах от земли, тянулись приподнятые платформы, на которых или под ними, в зависимости от времени года или индивидуальных склонностей, спали заключенные.

Народ гуронов был разделен на четыре клана — Медведь, Скала, Корд, Олень - с несколькими небольшими зависимыми группами. Существовало своего рода правительство республиканской формы. У них были свои совещательные собрания, как деревенские, так и племенные. Деревенские советы собирались почти ежедневно, но собрание племени — своего рода генеральные штаты — созывалось только тогда, когда требовала рассмотрения какая-нибудь весомая мера. Решения, принятые на собраниях, провозглашались вождями.

Религии в том виде, в каком ее понимают христиане, у гуронов не было ничего, кроме суеверий, очень похожих на суеверия других варварских народов. Всему в природе они придавали божество; деревьям, озерам, ручьям, небесным телам, голубым просторам они обожествляли оки, или духов. Среди главных объектов поклонения гуронов были луна и солнце. Оки луны заботились о душах и обладали способностью прекращать жизнь; оки солнца руководили живыми и поддерживали все сотворенное. Великий небесный свод с его мириадами звезд внушал им благоговейный трепет; это была обитель духа духов, Повелителя Жизни. Аронья - так они называли этого верховного оки. Это показало бы, что у них было смутное представление о Боге. К Аронхии они приносили жертвы, к Аронхии они обращались во время опасности, и когда их постигло несчастье, это было вызвано гневом Аронхии. Но все это никак не влияло на их поведение; даже в своем богослужении они часто были поразительно порочны.

В такие логова варварства приходили люди, только что пришедшие из цивилизации Старого Света, — люди образованные, культурные, благородного происхождения, в жилах которых текла самая гордая кровь Франции. К этим дикарям, ленивым, суеверным и порочным, пришли Бребеф, Нуэ и Дайон с посланием мира, доброй воли и добродетели.

До середины октября трое отцов жили вместе в Тоанче, за исключением того, что Дайлон ненадолго наведлся в Ососсане, на берегу залива Ноттавасага. Однако у Реколлета были инструкции от его начальника Ле Карона отправиться в страну нейтралов, о которой восторженно сообщал переводчик Шамплена Этьен Брюле, но по которой еще не ступала нога миссионеров. Итак, 18 октября 1626 года Дайон отправился в путь на юг в сопровождении двух французских торговцев в качестве переводчиков и проводника-индейца. Прибыв к нейтральным странам после пяти- или шестидневного путешествия, он поначалу был любезно принят во всех шести городах, которые посетил. Но это счастливое положение длилось недолго. Нейтральная страна, ныне самая богатая и густонаселенная часть Онтарио, с такими городами,

как Гамильтон, Брантфорд и Лондон, была богата пушными животными и табаком; а гуроны были посредниками в торговле между нейтралами и французами. Гуроны, опасаясь теперь, что они вот—вот потеряют свой бизнес — поскольку ходили слухи, что Дайон добивался, чтобы нейтралы торговали напрямую с французами, - отправили к нейтралам гонцов, в которых обвиняли серого в колдовстве, пришедшего уничтожить их болезнями и смертью. С этим согласились Нейтральные знахари, ибо они завидовали священнику. Заговор удался. Индейцы отвернулись от Дайлона, закрыли перед ним свои двери, украли его письменный стол, одеяло, треножник и безделушки и даже угрожали ему смертью. Но Бребеф узнал о его бедственном положении, вероятно, от одного из гуронов, которые подняли против него нейтральных, и послал француза и индейского гонца сопроводить его обратно в Туанш.

В 1627 году в миссии произошел перерыв. Ноуэ не хватало физической силы и живости ума, необходимых миссионеру в этих дебрях. Обнаружив, что он совершенно неспособен выучить даже зачатки гуронского языка, он вернулся в Квебек, поскольку не хотел быть обузой для Бребефа. Еще год Бребеф и Реколлет Дайон оставались вместе в Туанше. Но осенью 1628 года Дайон покинул Гуронию. Он был последним из реколлетов, служивших гуронам.

Если не считать своих французских наемников, Бребеф остался теперь один среди диких людей. В этом ужасном одиночестве он трудился с неукротимой волей, служа своей пастве, изучая гуронский язык, составляя гуронский словарь и грамматику и переводя Катехизис. Индейцы вскоре увидели в нем друга; и когда он проходил через деревню, звоня в колокольчик, старые и молодые шли за ним в его хижину, чтобы послушать, как он рассказывает о Боге, о небесах - награде добрых и об аде - вечном пристанище неправедных. Но у него было мало обращенных. Индийская идея будущего не имела ничего общего с христианской идеей. Гуроны, это правда, верили в будущее государство, но оно должно было быть лишь отражением нынешней жизни, с той разницей, что оно давало им полную свободу от работы и страданий, изобилие дичи и неиссякаемый запас табака.

Теперь единственным желанием Бребефа было жить и умереть среди этих людей. Но колония в Квебеке, как он знал, находилась в плачевном состоянии, и он не был удивлен, когда в начале лета 1629 года получил послание с просьбой о его присутствии там. Собрав вокруг себя свою паству, он сказал им, что должен покинуть их. В знак привязанности они дали ему гуронское имя Эхон. Теперь христиане и язычники в равной степени закричали: "Ты не должен покидать нас, Эхон!" Он сказал им, что должен подчиниться приказу своего начальника, но что "с Божьей милостью он вернется и привезет с собой все необходимое, чтобы привести их к познанию Бога и служению Ему". Затем он попрощался с ними; и, присоединившись к флотилии из двенадцати каноэ, которая собиралась отплыть в Квебек, он и его спутники отправились в путь. Они прибыли в Нотр-Дам-де-Анж 17 июля и обнаружили там иезуитов, пребывающих в ужасе из-за слухов о приближении сильного английского флота.

ГЛАВА IV

КАНАДСКИЕ АВАНТЮРИСТЫ

Шарль Лалемант, настоятель иезуитской миссии, едва высадившись на берегах Новой Франции, убедился, что миссия и сама колония обречены, если не произойдет радикальных изменений в правительстве. Каны были насквозь эгоистичны. Не поощряя поселение и сельское хозяйство, они настолько неадекватно обеспечивали содержание колонии, что

жителям часто не хватало еды. Но самым серьезным злом, по мнению Лалеманта, было присутствие такого количества гугенотов. Различия в верованиях озадачивали индейцев, которые, естественно, предполагали, что у разных групп белых людей разные боги. Действительно, торговцы-кальвинисты мало беспокоились о религии. Для них краснокожий человек был простым траппером, собирателем мехов; и не имело значения, направлялся ли он в счастливые охотничьи угодья своих отцов или в рай христиан. Но они имели обыкновение досаждал иезуитам и реколлетам при каждом удобном случае; например, когда экипажи кораблей в Квебеке намеренно возвышали свои голоса в псалмах, чтобы досадить священникам во время их богослужений. Лалемант, здравомыслящий священнослужитель, быстро принял решение. Торговая монополия гугенотов должна быть прекращена и должна быть создана новая компания, обладающая властью изгнать кальвинистов из Новой Франции. С этой целью Лалеман отправил отца Нойро во Францию в 1626 году, чтобы изложить все дело вице-королю Новой Франции. Но от герцога де Вентадура Нойро не получил удовлетворения; вице-король не мог вмешаться. А Людовик XIII был слишком занят другими делами, чтобы прислушаться к молитве иезуита. Однако главный советник короля, кардинал Ришелье, находившийся тогда на пике своего могущества, отнесся к этому с сочувствием. Гугеноты тогда открыто восстали во Франции; у Ришелье было достаточно проблем с ними дома, и было нетрудно убедить его, что они должны быть подавлены в Новой Франции. Он решил аннулировать канскую хартию и создать вместо нее сильную компанию, состоящую исключительно из католиков. Он быстро взялся за эту задачу и вскоре привлек к этому предприятию более сотни влиятельных и богатых людей королевства. Компания Новой Франции, или, как ее лучше называют, Компания ста партнеров, таким образом, возникла 29 апреля 1627 года во главе с великим Ришелье.

Сотне Партнеров были предоставлены в феодальное владение обширные владения, простиравшиеся, по крайней мере намеренно, от Флориды до Северного полярного круга и от Ньюфаундленда до истоков Святого Лаврентия, с монополией на торговлю мехами и другими практически неограниченными полномочиями. В обмен на эти обширные привилегии они обязались отправить в Канаду от двухсот до трехсот колонистов в 1628 году и четыре тысячи в течение следующих пятнадцати лет; поселить, прокормить и содержать колонистов в течение трех лет; а затем предоставить им расчищенную землю и семенное зерно. Однако наиболее интересными для иезуитов и реколлетов были положения устава новой компании о том, что никому, кроме католиков, не должно быть позволено приезжать в колонию и что в течение пятнадцати лет компания должна покрывать расходы на общественные богослужения и содержать трех миссионеров на каждом торговом пункте.

Теперь началась широкомасштабная подготовка к колонизации Новой Франции. К весне 1628 года флот из восемнадцати или двадцати кораблей, принадлежащих компании, собрался в гавани Дьеппа, доверху нагруженный продовольствием, строительными материалами, орудиями труда, пушками и боеприпасами, включая около ста пятидесяти единиц артиллерии для фортов на факториях. В один погожий апрельский день этот флот вышел в Ла-Манш под командованием Клода де Рокемона, одного из Сподвижников. На палубах кораблей были мужчины и женщины, с надеждой смотревшие на Новый Мир в поисках удачи и осчастлививания, а также реколлеты и иезуиты, направлявшиеся в область, которая в то время считалась достаточно широкой для энергии обоих. Лалеман, который в начале 1627 года последовал за Нойро во Францию, теперь возвращался к своей миссии с сбывшимися надеждами. В Новом Свете можно было бы построить католическую империю, обратить

дикарей в христианство, а ирокезов, величайшую угрозу колонии, если бы они не прислушивались к голосу разума, можно было бы усмирить. Голландцев и англичан на атлантическом побережье можно было бы держать в рамках; возможно, изгнать с континента; тогда вся Северная Америка была бы французской и католической. Возможно, именно об этом мечтали Лалеман и его спутники, иезуит Поль Рагено и реколлеты Даниэль Бурсье и Франсуа Жирар, расхаживая по палубе корабля, который уносил их на запад.

Но на тропинке стоял лев. Восстание гугенотов Ла-Рошели привело к войне между Францией и Англией, и это дало сэру Уильяму Александру (графу Стерлингу) желанный шанс. В 1621 году Александр получил от Якова I пожалование Новой Шотландии или Акадии, и позже это пожалование было возобновлено Карлом I. И Честолюбивым намерением Александра было изгнать французов не только с их постов в Акадии, но и со всей Северной Америки. С этой целью он основал компанию под названием "Авантюристы Канады". Одним из ведущих ее членов был Джерваз Кирк, богатый лондонский купец, женившийся на девушке-гугенотке Элизабет Гудон или Гоудинг из Дьеппа. Теперь, когда разразилась война, Авантюристы снарядили трех стойких каперов. Капитан Дэвид Кирк, старший сын Джервейса, командовал флагманским кораблем "Эбигейл", а его братья, Льюис и Томас, двумя другими кораблями. Флот, хотя и небольшой, был хорошо приспособлен для предстоящей работы. Готовясь к выходу в море, Авантюристы узнали о гораздо большем флоте из Ста Союзников; но они узнали также, что эти суда были в основном транспортными и мало пригодны в морском бою. Дэвид Кирк, с другой стороны, был экипирован для боя, и у него были каперские грамоты от короля Англии, уполномочивающие его захватывать и уничтожать любые французские суда и "полностью изгнать и искоренить французские поселения в Новой Шотландии и Канаде". Плохие предзнаменования были для Новой Франции, когда ранней весной 1628 года "Кирки" снялись с якоря и взяли курс к ее берегам.

Английские каперы прибыли на остров Святого Лаврентия в июле и разместили свою штаб-квартиру в Тадуссаке. Они уже захватили несколько баскских рыболовецких или торговых судов. В Тадуссаке они узнали, что в Кап-Турменте, в тридцати милях ниже Квебека, есть небольшая ферма, с которой квебекский гарнизон получал припасы; и в качестве первой попытки "искоренить" французов Дэвид Кирк решил разграбить и уничтожить этот пункт снабжения. Несколько человек из его команды приплыли на рыбацкой лодке, захватили это место врасплох, захватили в плен его охрану, разграбили его и перебили скот. Когда его люди вернулись из рейда, Кирке отправил шестерых своих баскских пленников вместе с женщиной и маленькой девочкой в Квебек. Через одного из них он отправил Шамплону письмо, в котором в самых вежливых выражениях требовал сдачи этого места. "Вежливо сдаваясь, - писал он, - вы можете быть уверены в полном довольстве как вашей личностью, так и вашим имуществом, которое, по вере, которую я имею в Раю, я сохраню, как свое собственное, не приуменьшая ни малейшей доли в мире".

Шамплейн ответил на требование Кирка с такой же вежливостью, но наотрез отказался сдаваться. В своем письме английскому капитану он сообщил, что форт все еще снабжен зерном, кукурузой, бобами и горохом, которые его солдаты любили так же, как самую лучшую кукурузу в мире, и что, сдав форт в таком хорошем состоянии, он был бы недостоин предстать перед своим сувереном и заслужил наказание перед Богом и людьми. На самом деле это было неправдой, поскольку французы в Квебеке умирали от голода и были неспособны к сопротивлению. Один-единственный хорошо направленный бортовой залп заставил бы ветхий

форт Шамплейна рухнуть до ушей. Его смелый фронт, однако, на данный момент достиг своей цели; Кирк решил отложить атаку на Квебек и переключить свое внимание на флот Рокемона. Он сжег захваченные суда, разграбил и разрушил факторию в Тадусаке, а затем отплыл в море в поисках богатой добычи.

У Кирке было три корабля, у французов - восемнадцать. Численно Кирке уступал, но он знал, что флот противника состоял в основном из небольших, слабо вооруженных судов. Узнав, что Рокемон находится неподалеку от залива Гаспе, он направился туда при благоприятном западном ветре. И когда "Абигейл" обогнула мыс Гаспе, английский капитан увидел вдалеке воды, густо усеянные парусами. Осмелится ли он атаковать? Три к восемнадцати! Это было рискованно; и все же победа принесет свою награду. Кирке был осторожным командиром; и, желая, если возможно, достичь своей цели без потерь, он призвал французского капитана сдаться. В ответ Рокемон смело поднял парус и вышел в открытое море. Но, несмотря на такое вызывающее отношение, Рокемон, должно быть, опасался исхода сражения. Многие из его кораблей не могли оказать никакой помощи; даже самые крупные были не в состоянии сражаться. Большая часть пушек находилась в трюмах транспортов, и лишь несколько небольших калибров были установлены. Его кораблям, перегруженным припасами, тоже было бы трудно маневрировать при слабом летнем ветре, преимущество которого теперь было у его врага. Три английских капера двинулись навстречу французским торговым судам и, оказавшись в пределах досягаемости, открыли огонь. Эта стрельба на большие расстояния продолжалась еще несколько часов. Когда это оказалось неэффективным, Дэвид Кирк решил приблизиться к врагу. "Абигейл" подкралась на расстояние пистолетного выстрела к кораблю Рокемона, обогнула его за кормой и дала сокрушительный бортовой залп. Пока французские моряки все еще пребывали в замешательстве от железной бури, обрушившейся на их палубу, английское судно развернулось и выбросило abordажные приспособления. Через борт французского корабля перепрыгнули пикинеры и мушкетеры Кирка. На переполненной палубе завязалась короткая схватка, но после того, как Рокемон был ранен в ногу и несколько его матросов были убиты, он сдался, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие. Тем временем Льюис и Томас Кирк добились не меньшего успеха в захвате двух других судов, способных оказать сколько-либо серьезное сопротивление. Неуклюжие французские торговые суда, хотя и были вооружены, не могли сравниться с крепко сложенными, хорошо укомплектованными английскими каперами, и после нескольких размашистых бортовых залпов они тоже подняли свои флаги. Оставшиеся корабли, неспособные к бою или бегству, сдались. В этом первом морском сражении в водах Северной Америки восемнадцать парусников попали в руки кирков с большим запасом припасов, боеприпасов и ружей, Увы большим надеждам отца Лалеманта и его товарищей-миссионеров!—теперь все они были пленниками и находились во власти англичан и гугенотов. Имея больше судов, чем он мог вместить, Кирк разгрузил десять самых маленьких и сжег их. Затем он отплыл домой со своими трофеями, по пути заехав на остров Сен-Пьер, где оставил несколько своих пленников, в том числе отцов-Реколлет, и на Ньюфаундленд, где напился воды и переоборудовался. Когда конвой достиг Англии примерно в конце сентября, велико было ликование канадских авантюристов. Ибо разве они не нанесли урон Римской компании из Ста Сподвижников? И разве они не получили в то же время десятикратную отдачу от своих денег?

Тем временем Квебек находился в серьезной опасности. Колонии грозил голод. Не было судов, на которых Шамплен со своим гарнизоном и миссионерами мог бы покинуть Новую Францию, даже если бы он того пожелал, и не было никаких средств противостоять диким ирокезам. И все

же Шамплен с упрямым мужеством принял сложившуюся ситуацию, надеясь, что облегчение наступит до того, как на реке Святого Лаврентия образуется лед.

Но в этом году встревоженным наблюдателям в Квебеке не было никакого облегчения. По прибытии в Англию Лалеман вновь обрел свободу и поспешил во Францию. Он обнаружил, что у отца Нойро есть судно, оснащенное припасами для канадской миссии, и решил вернуться в Канаду вместе с Нойро на этом судне. Но природа, так же как и человек, казалось, боролась против иезуитов. Когда они приблизились к заливу Святого Лаврентия, поднялся сильный шторм, и корабль било с курса, и он разбился вдребезги о скалистые берега Акадии близ острова Кансо. Четырнадцать пассажиров, включая Нуайро и брата-мирянина Луи Мало, утонули. Лалеман спасся и отправился на торговом судне во Францию. Этот корабль тоже потерпел крушение недалеко от Сан-Себастьяна в Бискайском заливе, и снова Лалеман чудом избежал гибели.

Тем временем английские авантюристы были полны энтузиазма по поводу достижений кирков. Работа, однако, еще не была закончена. Французские фактории в Акадии и на реке Святого Лаврентия должны быть полностью уничтожены. К марту 1629 года флот, гораздо более мощный, чем в предыдущем году, был готов к выходу в море. Она состояла из "Эбигейл", адмирала Дэвида Кирка, "Уильяма", капитана Льюиса Кирка, "Джорджа", капитана Томаса Кирка, "Джерваза", капитана Брюэртона, двух других кораблей и трех катеров. 25 марта он отплыл из Грейвсенда и 15 июня благополучно достиг залива Гаспе. Все суда, кроме двух, были отправлены для уничтожения факторий на берегах Акадии, в то время как Дэвид Кирк с "Абигайль" и кораблем-побратимом отплыл в Тадуссак, который должен был стать его штаб-квартирой на лето. Налетчики сделали свое дело и прибыли в Тадуссак в начале июля. Затем Кирк отсоединил "Уильям" и "Джордж" и отправил их в Квебек под руководством французских предателей.

В Квебеке зимой жители питались горохом, индейской кукурузой и угрями, которые они получали от туземцев; а когда пришла весна, все, у кого хватило сил, отправились в лес собирать желуди и питательные корни. Порох был почти израсходован, и шестнадцать полуголодных защитников не смогли удержать полуразрушенный форт. Соответственно, Шамплен послал реколлета Дайлона, знавшего английский язык, обсудить с кирками условия капитуляции; и Квебек сдался без единого выстрела. На какое-то время рухнули надежды неукротимого Шамплена, который в течение двадцати одного года трудился, сражался и молился о том, чтобы Квебек стал оплотом французского могущества в Америке. 22 июля лилию сняли с форта Сент-Луис, чтобы уступить место кресту Святого Георгия. К офицерам гарнизона относились с уважением и позволили сохранить их оружие, одежду и любые шкуры, которые у них были. Однако по отношению к миссионерам победители-кальвинисты не были столь щедры. Священникам разрешалось оставить при себе только свои одеяния и книги.

Условия капитуляции были ратифицированы Дэвидом Кирком в Тадуссак 19 августа, и на следующий день сто пятьдесят английских солдат овладели городом и фортом. Те из жителей, кто не пожелал остаться в колонии, и все миссионеры были отправлены на борт ожидавших их судов [Примечание: Всего в колонии было восемьдесят пять человек, тридцать из которых остались. Остальные были взяты в плен в Англии; среди них были отцы-иезуиты Эннемон Массе, Анн де Нуэ и Жан де Бребеф; отцы-реколлетисты Жозеф Ле Карон и Жозеф де ла Рош де Дайлон;

и несколько братьев-мирян обоих орденов.] и доставлены в Тадуссак, где они оставались несколько недель, пока англичане готовились к отплытию домой.

Под началом кирков служило много гугенотов, а гугеноты, как мы видели, были крайне враждебны иезуитам. Во время путешествия в Англию Бребефу, Нуэ и Массе пришлось терпеть оскорбления и жестокое обращение со стороны людей их собственной расы, но другой веры. И они мужественно переносили это, уверенные, что Бог в Свое время вернет их на избранное поприще труда.

Корабли достигли Плимута 20 ноября, чтобы узнать, что захват Квебека произошел в мирное время. Сузский конвент положил конец войне между Францией и Англией 24 апреля 1629 года; таким образом, достижения Авантюристов были потрачены впустую. Три года спустя, по Сен-Жермен-ан-Лэ, авантюристы были вынуждены не только восстановить захваченные посты в Северной Америке, но и выплатить французам определенную сумму за имущество, захваченное в Квебеке.

Ближе к концу ноября миссионеры, как реколлеты, так и иезуиты, покинули английский флот на Дуврских рейдах и направились в свои различные колледжи во Франции, терпеливо ожидая времени, когда им будет разрешено вернуться в Канаду.

ГЛАВА V

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГУРОНИЮ

После Сен-Жермен-ан-Лэского мирного договора, который вернул Франции все посты в Америке, завоеванные канадскими авантюристами, французский король предпринял шаги по возвращению Квебека. Но в качестве компенсации канцам за их потери на войне Эмери де Кану было поручено занять этот пост у Кирков и занимать его в течение одного года с правами торговли. Соответственно, в апреле 1632 года Кан отплыл из Онфлера; и он привез депешу за печатью Карла I, короля Англии, адресованную Льюису Кирку в Квебеке, в которой ему предписывалось сдать захваченный форт.

5 июля немногочисленные французские жители Квебека разразились дикими криками радости, увидев приближающийся под всеми парусами корабль Кана с белым флагом, украшенным золотыми лилиями; и когда они узнали, что судно доставило двух отцов-иезуитов, их сердца наполнились невыразимым восторгом. В течение трех лет владения Англией католики были без священников и жаждали привычных форм богослужения. Прибывшими священниками были Поль Ле Жен, новый генеральный настоятель, и Анн де Нуэ со своим братом-мирянином Жильбером Бюрелем. Они поспешили на берег, и местные жители последовали за ними в дом вдовы Хеберт, единственное приличное место жительства в колонии, где во время торжественной мессы они отпраздновали возобновление канадской миссии.

Квебек находился в плачевном состоянии. Англичане, зная о переговорах о его возвращении французам, оставили землю необработанной, а здания - в руинах. Миссионеры обнаружили резиденцию Нотр-Дам-де-Анж разграбленной и частично разрушенной; но они с радостью взялись за ее восстановление, и к осени она была вполне пригодна для жилья. Тем временем Ле Жен начал пробную работу в качестве учителя. Его учениками были мальчик-индеец и маленький негртенок, последнего англичане подарили мадам Эбер. Класс становился все больше; за зиму десятки детей откликнулись на звонок молодого человека и, усевшись у его

ног, выучили "Кредо", "Аве" и "Патерностер", которые он перевел на алгонкинские стишки. Чтобы выучить индийский язык, Ле Жен сам был учеником, а его учителем был монтанье по имени Пьер, никчемный негодяй, побывавший во Франции и немного выучивший французский. Ле Женя провел зиму 1632-33 годов, преподавая, изучая и прислуживая жителям фактории. За исключением короткого периода, он общался с Ноуэ, преданным миссионером, стремившимся внести свой вклад в это дело, но, как мы видели, не обладавшим необходимой силой духа или тела. Хотя Ноуэ потерпел неудачу в Гуронии, он думал, что сможет добиться успеха на реке Святого Лаврентия. И осенью, когда первый снег начал покрывать землю белизной, когда группа дружелюбных горцев, разбивших лагерь неподалеку от резиденции, пригласила его к себе на зимовку, он попрощался с Ле Женом и исчез вместе с индейцами в северном лесу. Но суровые условия вигвама оказались ему не по силам, и через три недели он вернулся в Нотр-Дам-де-Анж в измученном состоянии.

Тем временем Сотня Компаньонов готовилась начать пользоваться своими канадскими владениями, но теперь без того обнадеживающего рвения и возвышенной цели, которые были характерны для их первой злополучной экспедиции. Руководящей рукой в возрождении колонии под феодальным сюзеренитетом компании Ришелье был Шамплен. 1 марта 1633 года он был назначен генерал-лейтенантом в Новой Франции, "с юрисдикцией на всем протяжении реки Святого Лаврентия и других рек". Двадцать три дня спустя он отплыл из Дьеппа на трех вооруженных кораблях: "Сен-Пьер", "Сен-Жан" и "Дон де Дье". На этих кораблях находилось двести человек, среди них отцы-иезуиты Жан де Бребеф и Эннемон Массе. На Кейп-Бретоне к ним присоединились еще два иезуита, Антуан Даниэль и Амбруаз Давост, которые отправились туда годом ранее.

В компании не было Реколлетов, потому что, к их большому разочарованию, Реколлетам теперь запретили въезд в колонию. В этом несправедливо обвиняли иезуитов. Однако это было полностью связано с политикой Ста партнеров. На одной из их встреч Жан де Лозон, президент, впоследствии ставший губернатором Новой Франции, официально выразил протест против возвращения Реколлетов. Компаньоны стремились сэкономить и не хотели поддерживать два религиозных ордена в колонии; и поэтому нищенствующие реколлеты были исключены.

Суда появились в Квебеке 23 мая и высадили своих пассажиров под приветственные крики поселенцев, солдат и индейцев. Вскоре лейтенант Шамплена Дюплесси-Бочар от имени Сотни товарищей получил ключи от форта и жилья от Эмери де Кана; и в этот момент был положен конец режиму торговцев-гугенотов в Канаде. Отныне, к добру или ко злу, Новая Франция должна была стать католической.

Во время английской оккупации индейцы почти перестали посещать Квебек. Поначалу непостоянные дикари приветствовали захватчиков, ибо они всегда отдавали предпочтение победителям, и толпились вокруг форта, ожидая изобильных подарков от сильных людей, которые вытеснили французов. Но вместо подарков англичане дарили им только пинки и проклятия, и поэтому они держались в стороне. Однако теперь, услышав, что Шамплейн вернулся, индейцы, живущие вдоль реки Оттава и в Гуронии, стеклись к посту. Не прошло и двух месяцев после его прибытия, как флотилия из ста сорока каноэ, на которых находилось около семисот индейцев, с отливом подошла к подножию скалы, которая хмурилась над жилыми домами и полуразрушенными складами. Вытащив свои тяжело груженные суда на берег, вожди поприветствовали Шамплена и приступили к установке своих походных хижин на берегу. Среди

них было много воинов, ныне состарившихся, которые были с ним во время нападения на ирокезов в 1615 году. Были и такие, кто слушал учение Бребефа. Для нетерпеливых миссионеров это была возможность, которую нельзя было упускать; и, решив отправиться вместе с гурунами, которые охотно согласились, Бребеф, Даниэль и Давост приготовились к путешествию в Гуронию. Накануне отъезда трое миссионеров привезли свои пожитки на стрэнд и остановились на ночь на складе торговцев, рядом с индейским лагерем. Но у них был враг за границей. Не все в этом отряде были гурунами; некоторые были оттавами с острова Аллуметт под командованием одноглазого вождя Ле Борня. Этот коварный краснокожий желал ссоры между гурунами и французами, чтобы его племя могло получить монополию на оттавский маршрут и перевозить все товары из вышестоящих стран вниз по реке Святого Лаврентия. В это время алгонкин из Маленькой нации, племени, живущего к югу от острова Аллуметт, был задержан в Квебеке за убийство француза. Его друзья добивались его освобождения; но Шамплен считал его казнь необходимой в качестве урока индейцам. Ле Борнь оказался на высоте положения. Он ходил среди гурунов, убеждая их отказаться от перехода к иезуитам, предупреждая их, что, поскольку Шамплен не простит алгонкинов, брать с собой черных мантий опасно. Разъяренные соплеменники убийцы наверняка подстерегли бы каноэ, чернорубашечники были бы убиты или взяты в плен, и с гурунами тоже началась бы война. Аргумент возымел действие; Шамплейн не захотел освобождать пленника, и иезуиты были вынуждены вернуться в свое жилище, в то время как индейцы погрузились на корабль и исчезли.

Теперь в Нотр-Дам-де-Анж было шесть отцов церкви. Они были постоянно активны, благоустраивая свое жилище, обрабатывая почву, изучая индейские языки и помогая поселенцам и краснокожим, которые разбили свои вигвамы вдоль рек Сент-Чарльз и Сент-Лоуренс в окрестностях Квебека. Несмотря на неудачу Ноуэ среди горцев, отважный Ле Жен решил лично изучить индейскую проблему из первых рук; и осенью 1633 года он присоединился к отряду краснокожих, направлявшихся в их охотничьи угодья на верхнем Сент-Джоне. В течение пяти месяцев среди этих дикарей он страдал от "холода, жары, дыма и собак" и молча сносил сквернословие знахаря, который делал личность и учение миссионера предметом насмешек. Временами он также был на грани смерти от голода. Ранней весной он вернулся в Квебек после того, как чудом не утонул, пересекая покрытый льдом остров Святого Лаврентия на хрупком каноэ. Он не обратил никого в свою веру, но приобрел ценный опыт. Теперь было более очевидно, чем когда-либо, что среди кочующих алгонкинов миссия может добиться незначительного прогресса.

В 1634 году гуруны посетили колонию в небольшом количестве, поскольку по тропам бродили отряды ирокезов, охотящихся за скальпами, а эпидемия опустошила деревни гурунов. Те, кто приехал торговать в этом году, собрались в Трехречье; и туда отправились Бребеф, Даниэль и Давост, чтобы еще раз поискать проход в Гуронию. Индейцы сначала флегматично отказались взять их с собой, но в конце концов, после щедрой раздачи подарков, трем священникам и четверем помощникам было разрешено сесть на корабль, каждому священнику в отдельное каноэ. У них был обычный тяжелый опыт. Давосту и Даниэлю, которые не были знакомы с языком гурунов, пришлось хуже, чем Бребефу. Давост был брошен среди оттавов острова Аллуметт, его багаж разграблен, а книги и бумаги выброшены в реку. Даниэля тоже бросили его дикие проводники. Однако оба нашли способ продолжить путешествие. Когда 5 августа Бребеф добрался до Отуачи, его проводники-индейцы, спешившие добраться до своих деревень, внезапно исчезли в лесу. Но он хорошо знал это место; Туанче, его старая миссия, находилась

совсем недалеко. Он поспешил туда, но обнаружил деревню в руинах. От хижины, в которой он провел три года, не осталось ничего, кроме обугленных жердей каркаса. Хорошо протоптанная тропинка, ведущая через лес, подсказала ему, что деревня находится недалеко, и он пошел по этой тропинке, пока не наткнулся на группу хижин. Это была новая деревня Теандевиата, в которую переехали жители его старого Тоанче. Были сумерки, когда индейцы увидели рослую фигуру в черном, выходящую из леса, и поднялся крик: "Эхо снова пришло!" Вскоре все жители собрались вокруг него, крича и жестикулируя от радости.

Дэниел и Давост прибыли в течение месяца, изможденные, но ликующие. Миссионеры нашли приют в просторной хижине гостеприимного гурона Авандоая, где оставались до 19 сентября. Тем временем они выбрали в качестве центра миссии деревню Ихонатирия, расположенную недалеко от северной оконечности полуострова. Там быстро возвели хижину, и жители города Энрио соперничали в этом с жителями Теандевиаты. Это жилище, названное Бребефом Сен-Жозефом, имело тридцать пять футов в длину и двадцать в ширину и вмещало склад, гостиную, школу и часовню.

В течение трех лет эта скромная обитель должна была стать штаб-квартирой миссионеров в Гуронии. В течение первого года миссии все шло гладко. Для индейцев отцы были знахарями с необычайными способностями; более того, у наемников, пришедших с ними, были аркебузы, которые могли пригодиться в случае сильного нападения ирокезов. Предметы, которыми владели миссионеры, внушали дикарям благоговейный трепет; ручная мельница для помола зерна, часы, увеличительная линза и картина со Страшным судом считались символами белого человека. Некоторое время в маленькой хижине толпились нетерпеливые зрители. Однако обращенных было немного; в настоящее время дикари были слишком крепко привязаны к своим обычаям и суевериям, чтобы принять новых оки. К несчастью, в 1635 году страну поразила засуха, и знахари использовали это бедствие, чтобы дискредитировать своих соперников - черных мантий. Согласно этим факирам, именно красный крест на иезуитской часовне спугнул птицу грома и вызвал засуху. Бребеф, чтобы отвести подозрения, приказал выкрасить крест в белый цвет, но птица-гром по-прежнему держалась в стороне, а заклинания и барабанный бой колдунов не вызвали дождя. Затем Бребеф посоветовал индейцам испытать эффект обращения к его Богу. В отчаянии они согласились. Была сформирована процессия, и священники отслужили мессы и молитвы. Результат был впечатляющим. Почти сразу же на землю хлынул внезапный освежающий дождь; урожай был спасен, а знахари унижены. Тем не менее, никакого заметного религиозного прогресса достигнуто не было. Хотя дети приходили в резиденцию, чтобы получить наставления от чернорубашечников, их больше привлекали "бусы, изюм и чернослив", которые они получали в качестве стимула вернуться, чем уроки христианской истины. По большей части старейшины внимательно слушали миссионеров, но на вопрос о том, чтобы оставить свои суеверия и принять христианство, они ответили: "Это хорошо для французов, но мы другой народ, с другими обычаями".

Зима была временем величайших испытаний. Хижины, переполненные до удушья, превратились в сцены дикого веселья и пиршества. Гуруны были заядлыми игроками; иногда деревня бросала вызов деревне; и по мере того, как игра продвигалась, ночь становилась отвратительной из-за боя барабанов и веселых криков зрителей. Пиршества были частым явлением, поскольку любой повод давал повод для них, и все пиршества сопровождалось обжорством и шумом. Пир во сне был маниакальным представлением. Это было согласовано на торжественном совете вождей и стало поводом для большой вольности. Гости носились по

деревне, изображая безумие, разбрасывая горящие головни, крича, прыгая, безнаказанно избивая любого, кто попадался им на пути. Каждый искал какой-нибудь предмет, о котором, как он притворялся, узнал во сне. Только когда этот предмет был найден, наступало спокойствие; если он не был найден, наступало глубочайшее отчаяние. Знахари также предписывали пиры как средство от болезней; здоровые, а не больные, принимали лекарство и принимали его до тех пор, пока не насытились. Оставить хоть кусочек еды на их тарелках может означать смерть пациента.

Только один из общественных обычаев гуронов имел какое-либо реальное религиозное значение. Каждые десять или двенадцать лет устраивался великий праздник мертвых. У гуронов был обычай либо закапывать мертвых в землю, прикрывая их грубыми хижинами, либо, что более распространено, на приподнятых платформах. Тела покоились до тех пор, пока не подходило время, отведенное для окончательного погребения. Затем в какой-то центральной точке выкапывалась огромная яма в качестве общей могилы. В 1636 году в Ососсане устраивался Праздник мертвых. К этому месту из разных деревень клана Медведя толпами прибывали индейцы, распевая заунывные похоронные песни, когда несли недавно умерших на носилках или тщательно подготовленные кости своих усопших родственников в свертках, перекинутых через плечи. Все они сошлись в деревне Ососсане, где была вырыта яма глубиной десять футов и шириной тридцать футов. Там на помостах вокруг ямы они поместили тела и кости, тщательно завернутые в меха и покрытые корой. Затем собравшиеся скорбящие предались пиршествам и играм, как прелюдии к заключительному акту этой драмы смерти. Они выложили яму дорогими мехами, а в центр поместили котлы, предметы домашнего обихода и оружие для охоты - все это, как и тела и кости, должно было быть обителью духов. Они уложили мертвые тела рядами на дно ямы и бросили связки костей находившимся внутри индейцам, которые разложили останки по своим местам.

Свидетелями этой странной церемонии были иезуиты. Они видели, как обнаженные индейцы выполняли свою работу в яме при свете факелов, словно настоящие исчадия ада. Это была обескураживающая сцена. Но им уготовано испытание более тяжкое, чем Пир мертвых. Из-за эпидемии, тяжелой формы дизентерии, население Ихонатирии было почти полностью уничтожено. Вследствие этого священникам, которые теперь получили подкрепление с прибытием отцов Франсуа Ле Мерсье, Пьера Пийара, Пьера Шастлена, Исаака Жога и Шарля Гарнье, пришлось искать более густонаселенный центр в качестве штаб-квартиры своей миссии в Гуронии. Вожди Энрио пригласили иезуитов в свою деревню. Но требования Бребефа были суровыми. Они должны верить в Бога; соблюдать Его заповеди; отречься от своей веры в мечты; взять одну жену и быть верными ей; отказаться от своих собраний разврата; не есть человеческого мяса; никогда не устраивать пиршества демонам; и дать обет, что, если Бог избавит их от чумы, они построят часовню, чтобы возносить Ему благодарность и хвалу. Они были готовы дать обет относительно часовни, но другие условия были слишком суровыми — вредитель был предпочтительнее. И вот иезуиты обратились к Ососсане, где жители согласились принять эти условия.

Раньше Ососсане располагался на возвышенности на берегу залива Ноттавасага; но деревню перенесли вглубь страны, и под руководством французов вокруг нее была возведена прямоугольная стена из столбов высотой десять-двенадцать футов. По бокам стены, под противоположными углами, стояли две башни. Вдоль всей стены тянулась платформа, с которой

защитники могли швырять камни на головы атакующей стороны или лить воду, чтобы потушить пламя, если врагу удавалось поджечь частокол.

Здесь иезуитам предстояло прожить два года. За городскими стенами для них была построена просторная хижина длиной в семьдесят футов, и 5 июня 1637 года в той части хижины, которая была освящена как часовня, отец Пийар отслужил мессу. Резиденция была названа La Conception de Notre Dame. Для церкви дикой природы это было чудо. У входа стояли зеленые ветви, украшенные мишурой; на стенах висели картины; распятия, сосуды и украшения из блестящего металла украшали часовню. Издалека и вблизи стекались индейцы, чтобы посмотреть на это чудесное сооружение. Лучше всего то, что главный вождь предлагал себя для крещения. Будущее выглядело многообещающим; индейцы проявляли к отцам "большую привязанность", и, казалось, вот-вот будет собран богатый урожай душ.

Но все это должно было измениться. В Оссосане появился горбатый, похожий на людоеда знахарь, который утверждал, что родился чудесным образом. Чума все еще свирепствовала, и он возложил вину за это на миссионеров. По его словам, их молитвы и литании были чарами и заклинаниями; их изображения были злыми оки. Он заявил, что именно под влиянием этих и других сил они распространили чуму среди гуронов. Некоторые из старших и наиболее влиятельных гуронов присоединились к колдуну в его доносе на священников, и вскоре жители всей деревни ополчились против них. При их приближении сквозь захлопывали двери хижин, юные храбрецы угрожали им смертью, дети ходили за ними по пятам, улюлюкая и забрасывая их палками и камнями. Наконец священников вызвали на общественный совет и открыто обвинили в том, что они являются причиной несчастий, недавно постигших народ гуронов. Бребеф ответил на обвинения с непоколебимым мужеством, отрицая обвинения и показывая их абсурдность. Затем он смело обратился к своей аудитории с речью об истинах христианства, показал им ужасное будущее, которое ожидало тех, кто отказывался повиноваться словам Христа, и заявил, что чума была наказанием за их порочную жизнь. Совет был глубоко впечатлен его мужеством и очевидной искренностью, и на данный момент жизни миссионеров ничего не угрожало. Но они знали, что удар может обрушиться в любой момент, и никто никогда не выходил за границу без ощущения, что томагавк может обрушиться на его незащищенную голову.

28 октября 1637 года Бребеф подготовил, как он думал, прощальное письмо своим друзьям в Квебеке. Он и четверо других миссионеров в Оссосане подписали его и отправили главнокомандующему Ле Жене. Оно начинается словами: "Возможно, мы близки к тому, чтобы пролить нашу кровь и пожертвовать нашими жизнями на службе нашему Господу и Спасителю Иисусу Христу". В этом письме нет ни намека на страх. "Если, - говорится в нем, - вы услышите, что Бог увенчал наши труды или, скорее, наши желания мученичеством, возблагодарите Его, ибо именно для Него мы хотим жить и умереть". Таков был дух этих Крестоносцев. Их смирение, мужество и бескорыстие пока спасали их от "мученического венца". Но горбатый колдун продолжал свое волнение, и буря снова разразилась над их головами. Чтобы показать индейцам, что он знает их сердца и что он может встретить смерть со стоическим мужеством одного из их собственных вождей, Бребеф созвал их на прощальный пир в честь праздника д'Адиуа - и пока его гости в зловещем молчании поглощали поставленные перед ними порции, он обратился к ним с пламенными словами. Он был близок к смерти, но прежде чем уйти из этой жизни, он хотел предупредить их о жизни грядущей. Их сопротивление посланию Христа, их

оскорбления и преследования посланников Христа должны были быть искуплены в вечности. Его действия и слова возымели действие.

Хотя колдун все еще плел интриги, иезуиты продолжали свою работу невредимыми, проповедуя невозрожденным, посещая больных и ухаживая за ними, а также крестя умирающих.

В течение года после основания миссии Ла Консепсьон в Оссосане трое отцов — Пьер Шастелен, Пьер Пийар и Исаак Жог - служили остаткам гуронов в Ихонатирии. Но чума все еще свирепствовала, и к весне 1638 года Ихонатирия представляла собой немногим больше деревни с пустыми вигвамами. Остаться дольше на этом месте было бесполезно, и миссионеры стали искать другое поле для своей энергии. Город Теанаостайя, крупнейший город клана Корда, расположенный примерно в пятнадцати милях к северу от нынешнего города Барри, казался подходящим для центральной миссии. Бребеф посетил это место, поговорил с жителями, встретился с национальным советом и заручился его согласием на создание резиденции. В июне миссия святого Иосифа была перенесена в Теанаостаю. Перед концом лета в Гуронию прибыли Жером Лалеман, который в течение следующих восьми лет должен был быть настоятелем Гуронской миссии, Саймон Ле Мойн и Франсуа дю Перон. Теперь произошло новое распределение сил миссии: пять священников под непосредственным руководством Лалеманта поселились в Оссосане, в то время как трое, отвечающие за Бребеф, обосновались в Теанаостайе.

До сих пор Бребеф был признанным лидером в Гуронии. Его благородно поддерживали братья-священники и наемные люди. Дома как в Ихонатирии, так и в Оссосане были хорошо обеспечены продуктами питания, даже лучше, чем во многих индийских семьях. Дичи в Гуронии было мало, но среди отцов был опытный охотник Франсуа Пти-Пре, который постоянно бродил по лесам и побережьям в поисках дичи, чтобы разнообразить свой стол. Роберт Ле Кок, преданный делу человек, позже ставший доном, [Примечание: неоплачиваемый добровольный помощник, единственным вознаграждением которого были еда и одежда, уход во время болезни и поддержка в старости.] был их "переговорщиком" или деловым человеком. Именно Ле Кок совершал ежегодные поездки в Квебек за припасами и с бесконечным трудом переносил множество тяжелых нош по труднопроходимым тропам. Бребеф проявил себя, по сути, энтузиастом спасения душ, мистиком, духом, жаждущим мученического венца, но при этом человеком большого такта и ярким примером для своих собратьев-священников. Лалеман, хотя и не обладал доминирующим энтузиазмом Бребефа, был более практичным человеком, обладавшим большими организаторскими способностями. Осмотрев обширное и опасное поле деятельности, которым предстояло управлять, новый настоятель решил сосредоточить отдельные миссии в одном оплоте веры. Выбранное им место было удалено от любого из центров индийского населения. Это было на восточном берегу реки Уай, между Грязевым озером и заливом Матчедаш. Здесь миссионеры построили мощный прямоугольный форт с каменными стенами, увенчанными частоколом, и бастионами на каждом углу. Внутренние здания — часовня, больница и жилища для миссионеров и ангажементов — хотя и были деревянными, опирались на фундамент из камня и цемента.

Новый дом миссии они называли Сент-Мари; и с этой центральной станции миссионеры парами отправились в самые отдаленные уголки Гуронии и за ее пределы. Миссии к петунам и нейтралам, однако, закончились провалом. Петуны приветствовали Гарнье и Жога как Голод и Чуму, а священники едва спаслись своими жизнями. В следующем году (1640), когда Бребеф и

Шомоно отправились к нейтралам, они обнаружили там гуронских эмиссаров, подстрекающих нейтралов убивать священников. Эти гуроны, хотя сами и боялись убивать могущественных французских оки, как они относились к чернорубашечникам, желали, чтобы нейтральные предали их смерти. Но подобной трагедии пока не произошло. Посетив девятнадцать городов, повсюду встречая проклятия и угрозы, Бребеф и Шомоно вернулись в Сент-Мари.

Хорошая работа продолжалась, несмотря на испытания и неудачи. История о Кресте дошла даже до алгонкинов и ниписсингов верхней Оттавы и Джорджиан-Бей. В Сент-Мари неофиты собирались в большом количестве, и здесь не было знахарей, "спутников сатаны", которые могли бы совратить их с их обетов. Но как раз в то время, когда урожай казался многообещающим, на горизонте появилось облако — предвестник более темных туч, несущих беду, и шторма, который должен был принести гибель народу гуроноу.

Тем временем, как продвигалась миссия в Квебеке? Шамплен умер на Рождество 1635 года, и иезуиты потеряли верного друга и неизменного защитника. Однако его преемником стал Шарль Юо де Монмани, мальтийский рыцарь, человек набожного характера, полностью симпатизировавший миссиям. Под властью Монмани Новая Франция стала такой же суровой, как пуританская Новая Англия.

"Отношения иезуитов", ежегодно отправляемые во Францию, публикуемые и широко читаемые, вызвали бурный энтузиазм среди богатых и набожных мужчин и женщин. Таким образом, Ноэль Брюлар, шевалье де Силлери, проявил интерес к канадской миссии и пожертвовал дом для индейцев-христиан. Ле Жен выбрал место на берегу реки Святого Лаврентия, в четырех милях выше Квебека; и в 1637 году там было возведено учреждение Силлери, состоящее из часовни, дома миссии и лазарета, окруженных прочным частоколом.

Примерно в то же время две богатые энтузиастки, герцогиня д'Эгийон, племянница кардинала Ришелье, и мадам де ла Пельтри, также были вдохновлены Родственниками на благотворительную деятельность в Новой Франции. Эти дамы основали, соответственно, Отель-Дье в Квебеке и монастырь Урсулинок. В 1639 году мадам де ла Пельтри, посвятившая работе не только себя, но и свой кошелек, прибыла в Квебек в сопровождении матери Марии де Инкарнация, двух других урсулинок и трех монахинь-августинцев. Урсулинки сразу же приступили к своей преподавательской работе с шестью учениками-индусами. Но в колонии свирепствовала эпидемия оспы, и в течение первых года или двух после прибытия этим героическим женщинам приходилось помогать сестрам Отель-Дье в борьбе с вредителем.

Сами иезуиты были заняты образованием индейцев и уже основали колледж и семинарию для обучения молодых новообращенных. Однако колония не росла. Сто Партнеров не выполнили условия своего устава. Во всей Новой Франции насчитывалось менее четырехсот поселенцев, и только около трехсот солдат охраняли поселения от нападения. Канада пока была немногим больше, чем миссией, и таковой ей предстояло оставаться еще двадцать с лишним лет.

ГЛАВА VI

МУЧЕНИКИ

Мы наблюдали, что гуроны были в состоянии войны с Пятью народами и что отряды ирокезов за скальпами бродили по речным путям и тропам, подстерегая гребцов-гуронов на каноэ и отрезая охотников и отставших от их деревень. Когда и как началась вражда между ирокезами, с одной стороны, и гуронами и алгонкинами - с другой, никто не может сказать. Это произошло задолго до Шамплена; и, как мы видели, он вовлек в это французов. Без сомнения, было много кровавых столкновений, о которых история не сохранила записей. Сначала воины сражались на равных, вооружением у всех были лук и стрелы, томагавк, нож и боевая дубинка. Но теперь у ирокезов было огнестрельное оружие, приобретенное у голландцев с Гудзона, и они были искусны в обращении с мушкетами, что давало им большое преимущество перед их врагами-гуронами и алгонкинами.

На юго-восточной границе Гуронии, примерно в четырех милях от Орилли, стоял город клана Скалы Контария, "главный оплот страны". Жители были язычниками, которые оказали сопротивление миссионерам и отказали им в разрешении построить часовню, даже не соизволив прислушаться к их призывам. В начале лета 1642 года жители Контарии жили в воображаемой безопасности; и когда гонцы принесли весть, что в лесах на востоке разбил лагерь большой отряд ирокезов, воины Контарии почувствовали уверенность, что из-за своих мощных частоколов они смогут отразить любое нападение. Ирокезы так и не появились; и, поверив слухам ложным, многие воины покинули город и отправились в привычные места охоты и рыбной ловли. Внезапно, ранним июньским утром, сонные охранники были разбужены дикими криками. На них набросились ирокезы. Прозвучал сигнал тревоги; на башнях были люди, а за частоколом выстроились защитники. Но тщетно. Стрелы и пули сметали башни и частоколы, и через проломы, проделанные в стенах, внутрь ворвалась орда кровожадных демонов. Через несколько минут все было кончено; город превратился в руины; молодые и старые пали под томагавками разъяренных захватчиков. Затем факел! И ирокезы с триумфом отправили их обратно в их дома через могавак, радуясь этому первому эффективному удару по врагу в его собственной стране.

Когда пришло известие о разрушении Контарии, в городах миссии поднялась дикая тревога. Но в планы ирокезов не входило сразу нападать на другие крепости гуранов. Гурония могла подождать, пока племена Святого Лаврентия и Оттавы, союзники гуранов, не будут уничтожены. Тогда Пять наций могли бы сосредоточить свои силы на гуранах.

Так прошло шесть лет, пока иезуиты работали на миссионерских полях. Группы охотников за скальпами время от времени появлялись на окраинах деревень, где они были расквартированы. Ирокезы часто нападали на ежегодную флотилию каноэ по пути в Квебек, а также несколько раз захватывали и уводили священников и их помощников. Но в течение этих лет ни один крупный отряд ирокезов не вторгнулся в Гуронию. Ненасытные воины Пяти наций были заняты опустошением рек Святого Лаврентия и Оттавы, тесня племена все дальше и дальше назад, пока между Вилль-Мари и озером Ниписсинг не осталось почти ни одного вигвама. Алгонкины, которые не пали, покинули свои деревни и искали спасения на суровых берегах и островах залива Джорджиан-Бей или среди гуранов.

Миссия процветала под руководством Поля Рагено, который в 1645 году сменил Лалемана на посту настоятеля, когда последний отправился в Квебек, чтобы занять должность генерального настоятеля Канадской миссии. Сент-Мари, дикая мекка веры, ежегодно принимала тысячи индейцев, многие из которых исповедовали христианство. Однажды семьсот индейцев искали этого убежища в течение двух недель, и каждому из них отцы из своих обильных запасов дали по два блюда. Вдоль стен расстилались поля кукурузы, бобов, тыкв и пшеницы, радующие глаз. Внутри ограды кипела жизнь. Амбруаз Бруэ хлопотал на своей кухне; Луи Гобер был в кузнице; Пьер Массон, когда не был занят у портного, усердно трудился в саду, который был гордостью миссии; Кристоф Рено и Жак Леврье чинили или шили обувь и мокасины; Жозеф Мольер готовил снадобья для больных и отвечал за стирку; а Шарль Буавен, мастер-строитель, руководил возведением новых зданий или укреплением и усовершенствованием уже построенных. Видимость постоянства этого места усиливалась благодаря птицам, свиньям и крупному рогатому скоту. Там были две коровы и два быка, которых с невероятным трудом привезли из Квебека.

Учение и пример отцов церкви прокладывали путь к сердцам индейцев. В 1648 году одиннадцать или двенадцать миссионерских пунктов располагались по всей Гуронии, среди алгонкинов и среди петунов, ныне обосновавшихся на Голубых холмах к югу от залива Ноттавасага. На семи из этих станций были часовни, а на шести было сочтено необходимым построить жилые дома. В некоторых деревнях, таких как Ососсане, христиане превосходили язычников численностью. Христианские гуроны активно помогали отцам в работе миссии, некоторые из них были своими соплеменниками, а другие - петунами и нейтралами. На часовнях были колокола — для этой цели служили некоторые выброшенные чайники, — чтобы созывать паству на богослужение; а землю усеивали кресты. Гурония была близка к полному завоеванию, и миссионеры уже обращали внимание на неисследованные регионы вокруг озера Верхнее и за его пределами и даже на земли ирокезов. Затем, с внезапностью извержения вулкана, их стада были рассеяны, а их самые дорогие надежды разрушены.

В 1647 году между Сент-Мари и Квебеком не было никакого сообщения. Из-за опасности, исходившей от ирокезов на маршруте, ежегодная флотилия каноэ не пошла ко дну, хотя небольшая группа гуронов, по-видимому, дошла до Виль-Мари. Однако потребности миссии были неотложными, и весной следующего года отец Брессани выступил в поход с сильным отрядом из двухсот пятидесяти воинов-гуронов, добрая половина из которых были христианами. Не успела эта экспедиция начать спуск по реке Оттава, как военный отряд ирокезов, зимовавший у озера Ниписсинг, направился на юг через леса в сторону Гуронии.

Контария была уничтожена. Опасное положение Сен-Жан-Батиста, расположенного недалеко от Кахиага на озере Симко, откуда Шамплен выступил против ирокезов в 1615 году, вынудило иезуитов покинуть его. Таким образом, Сент-Джозеф, или Теанаостайя, с населением около двух тысяч человек, был пограничным городом на юго-востоке Гуронии. Отец Дэниел, заведующий этой станцией, только что вернулся из своего ежегодного восьмидневного ретрита в Сент-Мари. В течение четырех лет он трудился в этой миссии, и, хотя его паства была упрямой, его труд принес свою награду. 4 июля его маленькая часовня была переполнена для совершения ранней мессы, и когда он смотрел на собрание своих новообращенных, его дух ликовал внутри него. Он только что закончил службу, когда в утреннем воздухе пронзительно прозвенел крик: "Ирокезы! Ирокезы!" Выбежав наружу, он увидел, что враг уже взламывает частокол и многие защитники падают под градом стрел и пуль. Первой мыслью о своей пастве он поспешил обратно в

часовню, умоляя их спастись. Они столпились вокруг него, молясь о крещении и отпущении грехов; и когда они в мольбе протянули к нему руки, он окунул свой носовой платок в купель и крестил толпу поруганием. Затем он смело шагнул к дверям своей часовни и встретился лицом к лицу с врагом. На мгновение свирепые изверги заколебались перед суровоглазым священником, стоявшим в своем облачении, защищая, как казалось, паству, съезжившуюся за его спиной; но только на мгновение. Выкрикивая вызов белому шаману, они направили на него свое оружие; и этот бесстрашный воин Креста получил мученический венец, о котором он молился, чтобы он достался ему. Убийцы набросились на его тело, сорвали с него одежду, изуродовали и бросили в пылающую часовню - подходящий погребальный костер для первого мученика гуронской миссии. Вся деревня была охвачена пламенем, и дым от горящих хижин и частоколов стелился над лесом. Та же участь постигла маленькую деревушку неподалеку, на тропе, ведущей в Оссосане. Резня на какое-то время утолила свирепость ирокезов, и примерно с семьями пленными они вернулись в свои деревни к югу от озера Онтарио.

После этого бедствия над гуронами нависла пелена великого страха. Парализованные и инертные, воины не предприняли никаких шагов, чтобы защитить страну от угрозы со стороны ирокезов. Несмотря на увещевания иезуитов, они бездельничали в своих вигвамах или охотились в лесу, уныло ожидая своей участи.

Военный отряд ирокезов численностью в тысячу двести человек провел зиму 1648-1649 годов в верхней Оттаве; и когда снега начали таять от весенних оттепелей, эти ненасытные истребители людей направили свои стопы в Гуронию. Приграничной деревней на востоке теперь был Сент-Игнас, расположенный к западу от реки Стерджен, примерно в семи милях от Сент-Мари. Он был сильно укреплен и входил в состав одноименной миссии, находящейся под опекой Бребефа и отца Габриэля Лалемана, племянника Джерома Лалемана. Примерно в лиге от них, на полпути к Сент-Мари, находился Сент-Луис, другой город миссии, где жили два отца. 16 марта жители Сент-Игнаса не думали о надвигающейся катастрофе. Ирокезы могли быть на тропе войны, но они не придут, пока реки скованы льдом, а в лесах лежит снег. Но в то утро, как только горизонт начал окрашиваться первыми красками зари, спящие гуроны проснулись от страшного боевого клича. Дьяволы-ирокезы пробили брешь в стенах. Трое гуронов сбежали, помчались по лесной тропе в Сент-Луис, подняли на ноги деревню, а затем бежали в Сент-Мари, сопровождаемые женщинами, детьми и теми, кто был слишком слаб, чтобы сражаться. В Сент-Луисе было всего около восьмидесяти воинов, но, не зная силы захватчиков, они твердо решили сражаться. Гуроны умоляли Бребефа и Лалемана лететь в Сен-Мари, но те отказались трогаться с места. В час опасности и смерти они должны оставаться со своей паствой, поддерживать воинов в битве и совершать последние церковные обряды для раненых и умирающих.

Быстро расправившись со святым Игнацием, ирокезы начали штурм стен Сент-Луиса еще до восхода солнца. Гуроны упорно сопротивлялись, но нападавшие превосходили их численностью в десять раз и вскоре прорубили путь через частокол и взяли в плен всех оставшихся в живых защитников, среди которых были Бребеф и Лалеман.

Ирокезы связали Бребефа и Лалемана и отвели их обратно в Сен-Игнаций, избивая по дороге. Там они раздели двух священников и привязали их к кольям. Бребеф понял, что настал его час. Его дикари сделали особым объектом своей дьявольской жестокости. И, стоя на костре среди своих вопящих мучителей, он явил миру пример силы духа, возвышенный, непревзойденный и

непреодолимый. Ни взглядом, ни криком, ни движением он не выдал агонии, которую испытывал. На оскорбления демонов он ответил словами, предупреждающими их о грядущем суде. Они вылили ему на голову кипяток в насмешку над крещением; они повесили раскаленные топоры на его обнаженные плечи; они сделали пояс из смолы, обмотали им его тело и подожгли. Всеми мыслимыми способами "красные дьяволы" пытались заставить его молить о пощаде. Но они не смогли добиться от него ни звука боли. Наконец, после четырех часов этой пытки, вождь вырезал ему сердце, и благородный слуга Божий покинул место своих земных трудов.

Лалеман, человек мягкого, утонченного характера, столь же деликатный, сколь крепким был Бребеф, тоже выдержал пытку. Но дикари применяли его с утонченной жестокостью и поддерживали в нем жизнь в течение четырнадцати часов. Затем, наконец, он тоже погрузился в покой.

За десять лет до этого Бребеф дал обет Христу: "Никогда не уклоняться от мученичества, если по Своему милосердию Ты сочтешь меня достойным столь великой привилегии. Отныне я никогда не буду избегать любой представившейся возможности умереть за Вас, но с радостью приму мученическую смерть при условии, что, поступая таким образом, я смогу приумножить Вашу славу. С этого дня, Господь мой Иисус Христос, я с радостью вручаю Тебе свою жизнь в надежде, что Ты даруешь мне благодать умереть за Тебя, поскольку Ты соизволил умереть за меня. Даруй мне, Господи, так жить, чтобы Ты мог счесть меня достойным умереть мученической смертью. Итак, мой Господь, я беру Твою чашу и призываю Твое имя. Jesu! Jesu! Jesu!" Как благородно была сдержана эта клятва.

ГЛАВА VII

РАССЕЯНИЕ ГУРОНОВ

Тем временем в Сен-Мари Рагно и его спутники узнали от беглецов-гуронов о судьбе своих товарищей и ждали, ежечасно ожидая нападения. Священников сопровождали около двух десятков вооруженных французов. Весь день и всю ночь встревоженные отцы молились и стояли на страже. Утром триста воинов-гуронов пришли им на помощь, принеся радостную весть о том, что гуроны собираются с силами, чтобы дать бой захватчикам. Эти гуроны подросли как раз вовремя, чтобы наткнуться на отряд ирокезов, уже направлявшихся в Сент-Мари. Затем последовала встреча в лесу. Сначала часть гуронов была отброшена назад; но тут же другие из их отряда бросились на помощь; а ирокезы, в свою очередь, бросились в укрытие за разрушенными частоколами Сент-Луиса. Гуроны последовали за ним и в конце концов обратили врага в бегство, оставшись во владении этим местом.

Затем последовала битва с индейцами почти беспрецедентной жестокости. Никогда воины-гуроны не сражались лучше, чем в этом конфликте в смертный час своей нации. Против гуронов в палисадах выступили ирокезы со всей силой из Сент-Игнация. Весь день на стенах Сент-Луиса и около них бушевало сражение; и когда наступила ночь, только двадцать раненых и беспомощных гуронов остались продолжать сопротивление. В сгущающейся темноте ирокезы ворвались внутрь и с помощью томагавка и ножа расправились с остатками банды.

Но ирокезы не собирались продолжать сражение и не стали нападать на Сент-Мари. Они собрали своих пленников—гуронов - стариков, женщин и детей, — привязали их к кольям в хижинах Святого Игнация и подожгли деревню. И, насладившись, к своему удовольствию,

криками агонии, которые издавали их жертвы в пылающих хижинах, они направились на юг через леса Гуронии и исчезли.

Паника царила по всей Гуронии. После того, как гуроны сожгли пятнадцать деревень, чтобы они не служили убежищем для ирокезов, они рассеялись повсюду. Кто-то бежал в Сент-Мари, кто-то пробирался сквозь весенний снег в деревни петунов, кто-то бежал к нейтралам и Эри, кто-то к племенам алгонкинов на севере и западе, а некоторые даже искали усыновления у ирокезов. Сент-Мари стоял одиноко, как пастух без овец: миссионерские деревни, часовни, жилые дома, стада — все исчезло. Труд более двадцати лет был уничтожен. С болью в сердце Рагено огляделся в поисках нового места, которое могло бы послужить центром для его группы преданных миссионеров, трудившихся среди странников у озер и рек и в глубине северных лесов.

Сначала он подумал об Айл-Сент-Мари (остров Манитулен) как о самом безопасном месте для штаб-квартиры новой миссии, но в конце концов решил отправиться на Айл-Сент-Джозеф (Христианский остров), недалеко от Гуронии на севере. Там, в бухте, омывающей юго-восточный угол острова, он распорядился расчистить землю для строительства. Работы по эвакуации Сент-Мари начались в начале мая, а 15 числа того же месяца здания были подожжены. Ценности миссии были погружены в большую лодку и на плоты, и с тяжелыми сердцами отцы и их помощники поднялись на борт, чтобы отправиться в свой новый дом, расположенный в двадцати милях отсюда.

Новая Сент-Мари, построенная иезуитами на острове Сен-Жозеф, представляла собой мощный форт. Его стены были из камня и цемента высотой четырнадцать футов и имели бойницы. На каждом углу располагался защитный бастион, и все сооружение было окружено глубоким рвом. Оно было практически неприступно для нападения индейцев, поскольку его нельзя было подорвать, поджечь или взять штурмом. Горстка людей могла бы выстоять против полчища ирокезов.

У защитных стен Сент-Мари собрались индейцы, которых к осени 1649 года было семь или восемь тысяч. Здесь миссионеры продолжили благую работу. Единственными аванпостами теперь были алгонкины на берегу Джорджиан-Бей и петунские миссии Святого Матиаса, Святого Матве и Святого Жана. Но вскоре Петенам предстояло разделить судьбу гуронов, а Гарнье и Шабанелю, находившимся в Сен-Жан, суждено было погибнуть, как и Даниэлю, Бребефу и Лалеману.

Осенью Рагеноу узнал, что большой отряд ирокезов продвигается на запад, к Сен-Жану. Он послал гонцов в город, которому угрожала опасность, приказал Шабанелю возвращаться в Сент-Мари и предупредил Гарнье, чтобы тот был настороже. 5 декабря Шабанель отправился в Сен-Мари с несколькими Петен-Гурунами, а Гарнье остался один в Сен-Жан. Два дня спустя, пока воины разыскивали своих неуловимых врагов, банда сенека и могавков ворвалась в город, прорвала оборону и принялась убивать жителей. Гарнье пал вместе со своей паствой. В гуще резни, когда крестил и отпускал грехи умирающим, он был сражен тремя пулевыми ранениями, а сутана сорвана с его тела. Пока он лежал в агонии, стоны раненого Петуна неподалеку привлекли его внимание. Хотя он был истощен потерей крови, хотя его мозг кружился от слабости приближающейся смерти, он добрался до своего раненого краснокожего брата, дал ему отпущение грехов, а затем упал на землю в обмороке. Придя в себя, он увидел неподалеку

еще одного умирающего новообращенного и попытался подбежать к нему, но ирокез бросился на него и оборвал его жизнь ударом томагавка.

В некотором смысле Шабанелю повезло меньше, чем Гарнье. На следующий день после резни при Сен-Жан он спешил по хорошо протоптанной тропе в сторону Сент-Мари, когда раздавшиеся вдалеке боевые кличи ирокезов встревожили его проводников, и все, кроме одного, покинули его. Этот поступил хуже, потому что убил священника и сбросил его тело в реку Ноттавасага. Этот убийца, гурон-отступник, впоследствии признался в преступлении, заявив, что совершил его потому, что с тех пор, как он и его семья приняли христианство, с ним не случилось ничего, кроме несчастий.

В течение нескольких месяцев после смерти Гарнье и Шабанеля иезуиты поддерживали миссию Святого Матиаса среди петунов в Голубых холмах. Здесь отец Адриан Греслон трудился до января 1650 года, а отец Леонард Гарро - до следующей весны. Затем Гарро был отозван, не оставив ни одного миссионера на материке, в стране гурунов или петунов.

Французы и индейцы на острове Сент-Джозеф, хотя и были в безопасности от нападения, на самом деле были пленниками на острове. Ирокезы и сенеки оставались в близлежащих лесах, готовые наброситься на любого, кто отважится отправиться на материк. Когда зимой канал между островом и главным берегом покрылся льдом, солдатам миссии пришлось постоянно стоять на страже. И вот теперь среди беглецов появился другой враг, помимо ирокезов. У отцов было в изобилии еды для себя и своих помощников, но гуруны в своем поспешном бегстве не сделали никаких запасов на зиму. Изголодавшиеся орды питались желудями и кореньями и даже жадно пожирали трупы собак и лисиц. Болезни объединились с голодом, и к весне добрая половина гурунов в Сент-Мари погибла. Некоторые рыболовецкие и охотничьи отряды покинули остров в поисках пропитания, но лишь немногие вернулись.

Вскоре оказалось, что для гурунов остаться на острове означало вымирание. Двое из ведущих вождей пришли к отцу Рагено и умоляли его перевезти остатки их народа в Квебек, где под защитой крепостных стен они могли бы держаться вместе как один народ. Это было горькое испытание для иезуитов, но другого выхода не было. Они приготовились к переселению; и 10 июня (1650 г.) тринадцать священников и четыре брата-мирянина миссии со своими облачениями, наемными работниками и солдатами, всего шестьдесят французов и около трехсот гурунов, сели в каноэ и направились к реке Френч. По пути вниз по реке Оттава они встретили отца Брессани, который прошлой осенью отправился в Квебек за припасами, а теперь присоединился к отступающему отряду. И 28 июля, после пятидесятидневного путешествия, все благополучно прибыли в столицу Новой Франции.

[Примечание: Какое-то время гуруны стояли лагерем неподалеку от Отель-Дье. Весной 1651 года они перебрались на остров Орлеан. Пять лет спустя их поселение подверглось набегу могавков, и семьдесят один человек был убит или взят в плен. Остров был покинут, и они искали убежища в Квебеке под огнем пушек форта Сент-Луис, и здесь они оставались до 1668 года, когда перебрались в Бопорт. В следующем году их поместили в Нотр-Дам-де-Фуа, примерно в четырех милях от Квебека. В 1673 году им выделили участок, дающий больше земли, на реке Сент-Чарльз, примерно в девяти милях от крепости. Здесь, в Старом Лоретте, для них была построена часовня, и здесь они оставались двадцать четыре года. В 1697 году они переехали в Нью—Лоретт — Jeune Lorette - в сеньории Сен-Мишель, и в этом месте, у порогов Сен-Шарля, до

сих пор можно встретить четыреста или пятьсот представителей этого некогда многочисленного племени.]

Жажда войны Пяти наций все еще оставалась неудовлетворенной. Они продолжали преследовать петунов, которые в конце концов в ужасе бежали, большинство из них на остров Макино. Все еще опасаясь ирокезов, они двинулись оттуда к западной оконечности озера Верхнее; но здесь они вступили в конфликт с сиу, и им пришлось мигрировать еще раз. Группа из них в конце концов переехала в Детройт и Сандаски, где под именем Wyandots мы находим их фигурирующими в истории в более поздний период. Затем ирокезы нашли повод для ссор с нейтралами, эри и андастами; и вскоре практически все индейские племена от берегов Мэна до Миссисипи и так далеко на юг, как Каролинские острова, были обложены данью Пяти нациям. Только алгонкинские племена Мичигана и Висконсина и племена крайнего севера не пострадали от этих кровожадных завоевателей.

Миссия Гуронон была завершена. В течение четверти века иезуиты боролись за создание духовной империи среди язычников Северной Америки, но, судя по всему, они боролись напрасно. Всего в Гуронии трудились двадцать пять отцов. Из них, как мы видели, четверо были убиты ирокезами, а один - гуроном-отступником. И это еще не вся история мученичества. Через шесть лет после рассеяния Леонард Гарро погиб от пули ирокезов во время путешествия вверх по озеру Двух гор по пути в алгонкинские миссии на западе. Другой из отцов церкви, Рене Менар, следуя за отрядом алгонкинов в дебри Висконсина, заблудился в лесу и погиб от холода; а Анна де Нуэ, первая соратница Бребефа в Гуронии, пытаясь оказать помощь отряду французских солдат, попавших в шторм на озере Сент-Питер, замерзла насмерть. Но несчастье не охладило рвения иезуитов. Они ушли в глубь леса со своими кочующими стадами и воздвигли Крест у озер и ручьев на западе до Миссисипи и на севере до Гудзонова залива. Они уже нашли дорогу в Длинные Дома ирокезов.

ГЛАВА VIII

МИССИЯ ИРОКЕЗОВ

Работая среди гурононов, иезуиты думали только об ирокезах. Они считали, что в сферу их обязанностей входит даже приручение этих людей-тигров. Они хорошо знали, что такая попытка повлечет за собой опасности гораздо большие, чем те, с которыми столкнулись в Гуронии; но чем больше опасность и страдания, тем больше слава. И все же какое-то время казалось невозможным начать миссионерскую работу среди ирокезов. Как мы видели, Шамплен сделал их непримиримыми врагами французов, и с тех пор все французы подвергались постоянной опасности из-за банд мародеров, сидевших в засаде возле каждого поселения и вдоль туристических дорог. Таким образом, прошло почти двадцать лет после прибытия иезуитов в Канаду, прежде чем открылся путь к сердцам этих безжалостных разрушителей.

Наконец это произошло, чреватое трагедией. С 1636 по 1642 год отец Исаак Джогус занимался миссионерской работой в Гуронии. Он был человеком святого характера, деликатным, утонченным, образованным; и все же он перенес столько трудностей среди Петунов, что мог сломить дух любого человека. Он также трудился среди алгонкинских племен и одно время проповедовал перед двухтысячным собранием в Су-Сент-Мари. В 1642 году его выбрали для доставки столь необходимых припасов в Гуронию — опасная задача, поскольку в тот год

большие отряды ирокезов были на тропе войны. А в августе он поднимался по озеру Святого Петра с тридцатью шестью гуронами и тремя французами в двенадцати каноэ. Его французскими товарищами были рабочий и два донна - Рене Гупиль, который, имея некоторый опыт работы в больнице, собирался поступить хирургом в Сент-Мари, и Гийом Кутюр, человек преданный делу, энергичный и мужественный. Каноэ с отрядом огибали скопление островов на западной оконечности озера Сент-Питер и достигли места, где густо поросшие лесом берега были почти скрыты из виду высокими зарослями тростника, которые колыхались на летнем ветру, когда внезапно из зарослей выскочило несколько воинов-ирокезов в каноэ. Неожданность была полной; трое гурунов были убиты на месте, а Жогге, Гупиль и Кутюр, а также двадцать два гуруна были взяты в плен. Затем налетчики разграбили каноэ и отправились на юг, вверх по реке Ришелье, со своими пленниками. На каждой остановке по пути Джоги и донны подвергались жестоким пыткам; наконец, в стране могавков их протащили через три главных города страны, выставили на посмешище, избивали дубинками, ломали или отрубали пальцы, а тела сжигали на раскаленных углях. Кутюр убил воина-могавка во время нападения на озеро Святого Петра; но его отвага произвела такое впечатление на дикарей, что один из них усыновил его вместо умершего родственника, и таким образом он избежал смерти. Гупиль, проведя несколько месяцев среди ирокезов, был зверски убит. Но провидение сохранило Жоггу жизнь, и в течение почти года, года сильных страданий, он ходил среди своих преследователей, радуясь возможности проповедовать Евангелие в этих тяжелых условиях.

Наконец рыболовецкая и торговая группа ирокезов доставила его в голландское поселение в Форт-Ориндж (Олбани). Голландские власти уже тщетно пытались добиться его освобождения. Теперь они воспользовались его присутствием среди них, великодушно выдержав гнев его хозяев-тиранов, и помогли ему сбежать. Он нашел убежище на голландском судне, и в конце концов ему удалось добраться до Франции. История о его пленении дошла до него, и его братья во Франции приветствовали его как святого и мученика, чудесным образом вырванного из пасти смерти. Но у него и в мыслях не было оставаться, чтобы наслаждаться уединенной тишиной и покоем колледжа во Франции; его непобедимый дух требовал, чтобы он вернулся обратно, к тяготам и опасностям Северной Америки. Согласно правилам Церкви, он не мог совершать таинства своими изуродованными руками; но, получив особое разрешение от папы римского, он еще раз бесстрашно пересек океан в поисках мученического венца.

Следующим миссионером, посетившим страну ирокезов, был отец Джозеф Брессани, итальянский священник, которого привлекла канадская миссионерская деятельность, поскольку он прочитал о связях миссионеров с Гуронией. 27 апреля 1644 года с шестью гуронами и французским мальчиком двенадцати лет он отправился из Трехречья. Считалось, что ирокезы еще не добрались до реки Святого Лаврентия в это раннее время года; но это было ошибкой, как показало дальнейшее. Отряд из двадцати семи воинов, устроивший засаду, застал врасплох Брессани и его попутчиков, убил нескольких гурунов, а остальных вместе с Брессани и французским мальчиком увел в города могавков. Брессани они подвергли пыткам еще более жестоким, чем те, которым подвергся Джогуэс; не пощадив юношу, который мужественно противостоял своим мучителям, пока смерть не освободила его. Брессани избежал смерти только потому, что старая скво усыновила его; но его руки были так искалечены, тело так обожжено и изломано, что она сочла своего раба малоценным и отправила его со своим сыном в форт Оранж на продажу. Голландцы поступили великодушно; заплатили щедрый выкуп; и предоставили Брессани проезд на голландском судне, которое высадило его в Ла-Рошели 15 ноября 1644 года. Но, как и Жогге, его единственной мыслью было

вернуться в Новую Францию; и в следующем году мы находим его в Гуронии, его изуродованные руки, истерзанные врагами гуронов, немые, но действенные свидетели его мужества.

На какое-то время надежды иезуитов на миссию среди ирокезов были ослаблены опытом Джогуса и Брессани. Но в 1645 году произошел инцидент, который открыл путь для попытки донести Евангелие до этого дикого народа. Банда алгонкинов захватила нескольких ирокезов и привезла их в Силлери. Пленники полностью ожидали, что их подвергнут пыткам и сожжению; но иезуиты в Квебеке и губернатор Монмани желали завоевать расположение ирокезов. Они убедили алгонкинов освободить пленников, затем отнесли к ним по-доброму и отправили одного из них домой при том понимании, что он попытается заключить мир между своим народом и французами и их союзниками. По совету Гийома Кутюра, который все еще был среди ирокезов и пользовался их большим уважением и доверием, ирокезы отправили послов в Трехречье для консультаций с губернатором. Результатом стал временный мир; могавки согласились зарыть топор войны; и в начале следующей весны (1646 г.) Монмани решил послать к ним специального посланника, который мог бы сделать мир постоянным и организовать среди них миссию.

Исаак Жог, вернувшийся в Канаду после краткого отдыха во Франции, теперь находился в Вилле Мари. Его знание языка ирокезов и характера делали его наиболее подходящим человеком для отправки в качестве посланника к ирокезам в двойном качестве дипломата и миссионера. Сначала, когда перед его мысленным взором встали его страдания, он уклонился от этой задачи, но только на мгновение. Он бесстрашно пойдет к этим людям, хотя они жили в его памяти только пытками, которым они его подвергли. Он отправился в путь; и по прибытии в города могавков он нашел дикарей дружелюбными. Повсюду ирокезы приветствовали его. Они внимательно выслушали послание губернатора и приняли пояса вампума и подарки, которые он принес. Очевидно, ирокезы стремились к дружелюбию французов. И Бегунам, и Модельерам казалось, что наконец-то настало время для миссии ирокезов — Миссии Мучеников. Прежде чем попрощаться с ирокезами, Джогус оставил своим хозяевам в качестве залога того, что он вернется, запертую шкатулку; и к концу июня он вернулся в Квебек, чтобы сообщить об успехе своего путешествия. Затем он приготовился выполнить свое обещание, данное могавкам. Он покинул Квебек в конце августа вместе с братом-миряннином по имени Лаланд и несколькими гуронами. У него были предчувствия смерти, ибо накануне путешествия он написал другу во Францию: "Ибо и не редибо, я уеду и не вернусь". Прибыв в "Ришелье", он узнал от нескольких дружественных индейцев, что отношение могавков изменилось. Они были вооружены и снова жаждали мести французам и их союзникам. При этих словах спутники-гуроны покинули Жогу, но он и Лаланд поспешили к месту назначения. Тревога была слишком обоснованной. Могавки тут же столпились вокруг них, хмурясь и угрожая. Они раздели Джогуса и его товарища, избили их и повторили пытки, которым Джогус подвергся четыре года назад.

Невинной причиной этой вспышки ярости могавков стала коробка, которую Джогус оставил позади себя. Из-за этого ящика, как думали невежественные дикари, произошла засуха и нашествие кузнечиков, уничтоживших урожай, а также чума, которая теперь свирепствовала в городах могавков. Некоторые плененные гуроны среди могавков, без сомнения, чтобы завоевать расположение своих хозяев, оклеветали Джогу, объявив его колдуном, который ранее навлек беду на гуронов, а теперь пришел уничтожить могавков. Несомненно, заявили они, именно из шкатулки исходили все беды, которые на них обрушились. Джогус настаивал на своей невинности; но с таким же успехом он мог бы попытаться урезонить стаю волков. Они

потребовали его смерти, и вскоре последовал неизбежный удар. 18 октября, когда он сидел, израненный и умирающий от голода, в вигваме, к нему подошел вождь и пригласил его прийти на пир. Он знал, что означало это приглашение; это был праздник смерти; но он спокойно поднялся, его дух был готов к худшему. Его проводник вошел в вигвам и приказал ему следовать за собой; и когда он наклонил голову, чтобы войти, дикарь, спрятавшийся за дверью, раскрыл ему череп томагавком. На следующий день Лаланда постигла та же участь. Их головы были отрублены и вывешены на частоколе города, а тела брошены в реку Мохок. На данный момент миссия Мучеников подошла к концу.

Должно было пройти десять лет, прежде чем среди ирокезов возобновилась миссионерская работа — десять лет бедствий для иезуитов и для колонии. В эти годы, как мы уже видели, гуроны, петуны и нейтралы были уничтожены или рассеяны, а французские и индейские поселения вдоль реки Святого Лаврентия постоянно находились в опасности. За пределами укрепленных постов не было никакой безопасности, а сельское хозяйство и торговля были в застое. 1653 год был особенно катастрофическим; орды ирокезов были за границей, колотили по частоколам каждого поселения и сеяли ужас даже в хорошо охраняемых городах Вилле-Мари, Три-Риверс и Квебеке. Но свет пробился, когда все казалось самым мрачным. Западные ирокезы — онейды, онондаги и сенеки — воевали с эри. Находясь в таком замешательстве, им показалось хорошей политикой заключить мир с французами, и они направили посольство в Вилль-Мари для начала переговоров. Могавки тоже, опасаясь, что их западные сородичи могут получить над ними некоторое преимущество, отправили гонцов в Новую Францию. В Квебеке состоялся большой совет. Но даже заключая мир, ирокезы были настроены на войну. Они не желали ничего, кроме полного истребления народа гуронов, и с завистью смотрели на поселение гуронов под крылом французов на острове Орлеан. И онондаги, и ирокезы замыслили уничтожить это сообщество. Предлагаемый мир был всего лишь уловкой, открывающей путь для нападения на гуронов с целью убить их или принять в состав Пяти наций, которые из-за потерь в войне нуждались в рекрутах. Могавки потребовали, чтобы гуроны были переселены в деревни могавков; онондага предусмотрели создание французской колонии в их стране в надежде, что гуроны будут привлечены таким поселением, и что тогда и французы, и гуроны окажутся в их власти. Губернатор Новой Франции, ныне Жан де Лозон, слабый старик, который больше думал о прибылях от торговли мехами и земельных пожалованиях для себя и своей семьи, чем о благополучии колонии, не знал, как поступить. Отрицательный ответ он дать не осмеливался; и в равной степени он боялся последствий определенного обещания. С одной стороны, была уверенность в том, что война вспыхнет снова во всей своей ярости; с другой - не меньшая уверенность в том, что участь, постигшая гуронов в Гуронии, почти неизбежно постигнет бедные остатки христианских гуронов, защищать которых было его долгом.

Иезуиты, однако, стремились трудиться среди ирокезов, и по их просьбе губернатор принял выжидательную политику. Прежде чем дать окончательный ответ, было сочтено разумным отправить посла в Пять стран, чтобы разведать местность и утвердить мир. Это опасное задание было поручено ветерану-миссионеру отцу Саймону Ле Мойну. Весной 1654 года Ле Мойн посетил онондага. Его дипломатия и красноречие увенчались успехом, но могавки все еще продолжали свои набеги на поселения. Тем не менее в 1655 году ирокезы снова послали гонцов в Квебек, заявляя о дружбе. Ле Мойн снова взялся за дело дипломата и отправился в страну могавков в надежде заключить обязательный к исполнению договор с самыми свирепыми и закоренелыми врагами Новой Франции. В том же году большая делегация Онондага прибыла в Квебек. Они хотели, чтобы французы предприняли немедленные действия и основали миссию и

колонию среди них. Их искренность снова показалась сомнительной, и отцы Шомоно и Даблон были отправлены в Онондагу, чтобы выяснить характер тамошних индейцев. Проведя зиму 1655-56 годов в деревне, где они проводили конференции в большом доме совета Пяти наций с участием представителей всех племен, два отца поверили, что настало время для миссии. По их мнению, также было бы целесообразно создать колонию; она послужила бы одновременно центром цивилизации для ирокезов и барьером против голландцев и англичан из Нью-Йорка, которые до сих пор монополизировали торговлю ирокезов. Весной 1656 года Даблон вернулся в Квебек, чтобы посоветовать губернатору принять условия Онондага, в то время как Шомоно остался в Онондаге, чтобы присматривать за своей новой паствой как в качестве миссионера, так и в качестве политического агента.

Экспедиция, все расходы по которой легли на плечи иезуитов, была немедленно снаряжена. Городской голова Квебека Захари дю Пюи принял военное командование отрядом, который состоял из десяти солдат, тридцати или сорока белых рабочих, четырех отцов—иезуитов - Менара, Ле Мерсье, Даблона и Фремина, двух братьев—мирян и нескольких гуронов, Сенек и Онондагов. 17 мая колонисты покинули Квебек на двух больших лодках и двенадцати каноэ. Они начали свое путешествие с дурными предчувствиями относительно своей судьбы, поскольку могавки снова появились на реке Святого Лаврентия. Едва Дю Пюи и его люди скрылись из виду в Квебеке, как на них напали. Могавки, однако, сделали вид, что приняли отряд за гуронов, выразили сожаление по поводу нападения и разрешили экспедиции продолжаться. В Монреале от лодок отказались в пользу каноэ из-за сложной навигации в верховьях Святого Лаврентия. За исключением Ле-Мойна, Шомоно и Даблона, эти колонисты были первыми белыми, поднявшимися по реке Святого Лаврентия между Монреалем и озером Онтарио; первыми, кто боролся с течением этих быстрых вод и преодолевал бурные пороги; первыми, кто увидел разнообразную красоту величественной реки, ее широкие просторы сверкающих голубых вод, сказочные лабиринты островов и ее огромные леса, простирающиеся повсюду от берега до горизонта. Наконец они достигли озера Онтарио и обогнули его южный берег, пока не вошли в реку Освего. Поднимаясь по этой реке, они были встречены Шомоно и делегацией Онондага. На озере Онондага каноэ выстроились в четыре ряда позади каноэ вождя, с которого развевался белый шелковый флаг с именем Иисуса, вытканным на нем золотыми буквами. Затем, размеренно взмахивая веслами и распевая хвалебные песни, флотилия направилась к берегу, к месту, которое Шомоно выбрал для штаб-квартиры колонии. Здесь, с вершины невысокого холма, откуда открывался прекрасный вид на одно из самых живописных внутренних озер, они вырубили деревья и возвели просторный дом, окруженный постройками поменьше, окруженными обычным частоколом.

Иезуиты объявили, что они пришли не как торговцы, а как "посланники Бога", не ищущие никакой прибыли; и они приступили к работе на самых благоприятных условиях. Благодаря усилиям Шомоно, онондага казались искренне дружелюбными. Отцы также находили в каждой деревне много усыновленных гуронов из их старых миссий в Гуронии, которые все еще исповедовали христианство. Действительно, целая деревня состояла в основном из гуронов и петунов. Миссия не ограничивалась онондагами; в нее были включены кайюги, сенеки и онейды; и новая область казалась многообещающей.

Но вскоре стало очевидно, что непостоянным ирокезам доверять не следует. Могавки продолжали свои набеги на гуронов в Квебеке и уводили пленников из-под самых стен форта Сент-Луис. Узнав об этом, онондага отправили экспедицию в Квебек с требованием передать

им также несколько гуронов, и слабый администратор колонии Шарль де Лозон-Шарни, будучи слишком трусливым, чтобы сопротивляться, выполнил это требование. На обратном пути в Онондагу индейцы убили нескольких пленников. По прибытии домой они пытали и сжигали других, среди них были женщины и беспомощные дети. Колонисты в Онондаге часто становились свидетелями подобных сцен, но они были бессильны вмешаться. Вскоре они узнали, что их пригласили в Онондагу со злыми намерениями. Заявление, сделанное одному из миссионеров умирающим новообращенным, послужило лишь подтверждением уже ходивших слухов, а именно, что смерть колонистов была predetermined с самого начала и что иезуитов ожидала та же участь, что постигла Джогуса и их братьев в Гуронии.

Необходимы были незамедлительные действия. Миссионерам в отдаленных пунктах был разослан приказ возвращаться в штаб-квартиры, и к концу марта колонисты, всего пятьдесят три человека, укрылись за частоколом своих домов на озере Онондага. Но у них был небольшой шанс спастись, так как у них не было достаточно каноэ, чтобы перевезти больше половины отряда. Более того, за ними пристально наблюдали: воины онондага разбили свои вигвамы вокруг частокола, а некоторые расположились непосредственно перед воротами. Однако самой большой потребностью французов было достаточное средство передвижения, и они обратились к этой проблеме. В главном жилище был большой чердак, и здесь они построили две прочные лодки, каждая из которых могла вместить пятнадцать человек. Но все еще оставалась трудность доставить эти лодки к озеру без ведома дикарей.

Среди колонистов был молодой человек, Пьер Эспри Рэдиссон, который тремя годами ранее был пленником у ирокезов и которому впоследствии суждено было занять видное место в истории дикой природы Канады. Он был беспринципен, но находчив; и в этом случае его таланты нашли хорошее применение. Он хорошо знал индейцев и знал, что они не могли устоять перед застольем, особенно перед застольем полурелигиозного характера. Он убедил молодого человека из миссии симулировать болезнь и пригласить онондагов помочь ему в излечении, посетив *festin a manger tout* — пир, на котором все должно быть съедено. Санкционирование этого, без сомнения, шло вразрез с убеждениями иезуитов, которые упрекали индейцев в их суеверии и обжорстве; но в данном случае цель, несомненно, оправдывала средства. На банкете присутствовали онондага. В огромных железных котлах, подвешенных над кострами за воротами частокола, французы варили огромное количество оленины, дичи, рыбы и кукурузы. Они привезли с собой в колонию несколько свиней и зарезали их, чтобы добавить к пиршеству. Индейцы сидели на корточках вокруг котлов, из которых солдаты, служащие и отцы разливали еду; как только тарелка воина опустошалась, ее снова наполняли; и когда какой-нибудь гуляка показывал, что наелся досыта, притворявшийся больным выкрикивал: "Вы хотите, чтобы я умер?" - и насытившийся Онондага снова падал ниц. В довершение ко всему некоторые французы, привезшие в дикую местность скрипки, играли вовсю. Наконец обжорство начало оказывать желаемое действие: один за другим онондага засыпали под успокаивающую музыку скрипок. Затем, когда звериная дремота застила всем глаза, колонисты поднялись для бегства. Кто-то, вероятно, Рэдиссон, предположил, что это были пятьдесят три бодрствующих француза на сотню спящих дикарей и что было бы легко размозжить мозги их врагам, пока они спят; но иезуиты не одобрили бы такой поступок. Французы распахнули ворота и перенесли лодки с чердака на озеро. Они установили изображения солдат на видных местах внутри огады, зарешетили и заперли ворота и спустили суда на воду. Они пересекли озеро и были уже далеко вниз по Освигу, когда еще не рассвело и индейцы не пробудились от своего тяжелого сна.

Когда онондага пришли в сознание, они были удивлены мертвенной тишиной. Они заглянули через частокол и, увидев изображения солдат, поверили, что их предполагаемые жертвы находятся внутри. Но до их ушей не долетало никаких звуков, кроме кудахтанья и кукареканья каких-то птиц. У них возникли подозрения, и они забарабанили в ворота, а когда ответа не последовало, в ярости выломали их только для того, чтобы обнаружить, что там никого нет. Осмотр берега показал, что тяжелые лодки были спущены на воду несколькими часами ранее. Веря, что могущественный Бог белого человека был в союзе с колонистами и снабдил их этими лодками, дикари не предприняли попытки преследовать беглецов, которые, понеся потери в трех человеках на порогах реки Святого Лаврентия, достигли Квебека 23 апреля.

В течение следующего десятилетия не предпринималось никаких дальнейших усилий по цивилизовыванию и обращению в христианство ирокезов. Однако в этот период в правительстве Новой Франции произошли радикальные и столь необходимые перемены. До сих пор контроль осуществляли зафрахтованные компании, и их целью была торговля, а не колонизация. До 1663 года Канада оставалась скорее торговой станцией и миссией, чем настоящей колонией. Но в этом году король Людовик XIV отменил хартию Ста партнеров, провозгласил колонию королевским правительством и прислал сильных людей с родины управлять страной.

Вскоре ирокезы начали ощущать сопротивление новых сил в поселениях вдоль реки Святого Лаврентия; и в 1665 году, когда сильный полк ветеранов Кариньян-Сальер под командованием маркиза де Траси высадился в Новой Франции, ирокезы, которые громили поселения, ускользнули в свои укрепленные города. В январе 1666 года Курсель, губернатор, вторгся в страну могавков; и хотя его экспедиция провалилась, она послужила предупреждением для Пяти народов. В мае Сенеки и могавки приехали в Квебек, чтобы договориться о мире. Они приняли свой древний надменный вид; но Трейси была не в настроении для этого. Он приговорил к смертной казни могавка, который имел наглость хвастаться тем, что заколол француза томагавком, и отпустил послов с гневными словами. Индейцы, сбитые с толку, вернулись в свои крепости. По пятам за ними следовали Трейси и Курсель с тысячей сотнями человек. При приближении этой армии могавки покинули свои деревни и избежали смерти. Но французы подожгли деревни и опустошили страну могавков.

Весной 1667 года могавки пришли в Квебек, смиренно умоляя прислать миссионеров, кузнецов и хирургов жить среди них. Другие племена Пяти народов последовали их примеру. Иезуиты снова отправились к ирокезам и основали миссии среди могавков, онейдов, онондагов и сенек. Двадцать лет преданные отцы трудились на этом нелегком поприще. Во время правления губернаторов Курселя и Фронтенака ирокезы оставались миролюбивыми, но они стали беспокойными после смещения Фронтенака в 1682 году. Последующие губернаторы, Ла Барр и Денонвиль, оказались слабыми правителями, и могавки снова начали посылать военные отряды против поселений. Наконец, в 1687 году разразилась открытая война. Миссионеры, однако, были отозваны из страны ирокезов как раз вовремя, чтобы спастись от ярости дикарей.

Не напрасно трудились иезуиты среди Пяти народов. Они обратили множество людей и убедили многих из них переехать в Канаду. Общины христианских ирокезов и гуронов, которые были приняты Пятью народами, поселились недалеко от залива Квинт, в Ла Монтань на острове Монреаль и в Каунаваге у порогов Лачина. Крупные поселения "молящихся индейцев", все еще

живущих в Коунаваге и Сент-Реджисе, недалеко от Корнуолла, являются потомками этих индейцев.

ГЛАВА IX

МИССИЯ ВИЛЛЕ МАРИ

В то время как иезуиты несли Крест гуронам, алгонкинам и ирокезам, другие крестоносцы, столь же благородные и отважные, водрузили его на том месте, где сейчас стоит главный город Доминиона. Заселение большого и плодородного острова в месте слияния рек Оттава и Святого Лаврентия имело свой собственный мотив. Квебек был основан в первую очередь для торговли; как и практически все другие поселения, которые превратились в крупные населенные пункты. Но Монреаль изначально предназначался исключительно для миссионерской станции. Ее основатели и не помышляли о торговле; более того, им было запрещено торговать мехами, которые в то время были главным товарным товаром колонии.

Мы видели, что мужчины и женщины, основавшие миссию Силлери, Отель-Дье и монастырь Урсулин в Квебеке, черпали вдохновение в Связях с иезуитами. Точно так же поступили основатели поселения на острове Монреаль. Жером ле Руайе де ла Дауверсьер из Ла Флеш в Анжу, сборщик налогов, и аббат Жан Жак Олье из Парижа были главными инициаторами этого предприятия. Каждый независимо от другого задумал основать на острове Хочелага миссию по обращению язычников в Канаде. Случайно встретившись в замке Медон близ Парижа, они спланировали свое предприятие и решили основать колонию преданных, состоящую из ордена священников, ордена сестер для ухода за больными и немощными и ордена монахинь для обучения молодых индейцев и детей поселенцев при миссии. Эти два энтузиаста взялись за работу вполне практичным способом, чтобы реализовать свои амбиции. Им удалось заинтересовать барона де Фанкампа и трех других богатых джентльменов, и вскоре у них была сумма — около 75 000 долларов — достаточная для основания колонии. Пока они были заняты этой работой, мадемуазель Жанна Манс, мужественная и набожная женщина, была тронута одним из родственников отца Ле Жена посвятить свою жизнь уходу за ранеными и страждущими в дебрях Новой Франции; и проектируемая колония на острове Монреаль предоставила возможность для осуществления ее желания. Мадам де Буллион, богатая и очень благотворительная женщина, согласилась помочь Олье и Доуверсьеру, пожертвовав больницу в колонии, а Жанна Манс предложила свои услуги медсестры и экономки. Нужен был лидер, человек с военной подготовкой и благочестивой жизнью; и в лице Поля де Шомеди, сьера де Мезоннева, ветерана войн в Голландии, был найден идеальный мужчина. В то время не предпринималось никаких попыток нанять учителей; поначалу не было ни белых, ни краснокожих детей, которых можно было бы учить, поскольку на острове Монреаль не проживало индейцев, и колонисты поначалу не привозили свои семьи в этот пустынный пункт. Когда средства были собраны и лидер найден, следующим шагом было получить разрешение от Сотни Единомышленников поселиться на острове; и вот тут возникла трудность. Ассоциация была либеральна в предоставлении земельных участков своим собственным членам; и Жан де Лозон, президент, получил для себя крупные концессии, среди которых был весь остров Монреаль. Однако его убедили, вероятно, за определенное вознаграждение, расстаться с грантом, который не приносил ему никакой отдачи и который он мог посетить, только рискуя снять скальп. Олье, Доуверсьер и их сообщники закрепили за собой землю, и Мезоннев был назначен губернатором новой колонии.

Иезуиты сыграли важную роль в этом начинании. Именно их Отношения послужили толчком, и основатели колонии получили умелую помощь отца Шарля Лалемана, с которым мы уже встречались как с первым настоятелем ордена иезуитов в Новой Франции. Именно он убедил Жана де Лозона согласиться отказаться от своего гранта, и именно к нему Мезоннев впервые пришел за советом относительно того, как ему лучше всего посвятить свой меч Церкви в Канаде. И во многом по рекомендации Лалемана Мезоннев получил свое назначение лидером колонистов и губернатором колонии. К Лалеманту тоже пришла Жанна Манс, когда впервые услышала четкий призыв к новой миссии.

Промоутеры "Общества Монреальской Богоматери" теперь приступили к работе по набору рекрутов для миссии, обеспечению припасами и подготовке судов для транспортировки колонистов в Новую Францию. Все было готово примерно к середине июня 1641 года, и, в то время как Доверсьер, Олье и Фанкамп оставались во Франции, чтобы заботиться об интересах тамошней колонии, Мезоннев и Жанна Манс с тремя другими женщинами и примерно пятьюдесятью мужчинами отплыли и прибыли в Квебек до конца августа. Здесь они не встретили того восторженного приема, на который рассчитывали. Мезоннев прибыл со специальным поручением в качестве губернатора Монреаля и был холодно принят Монмани, который завидовал ему и, более того, считал, без сомнения, справедливо, что разделение властей не отвечает наилучшим интересам борющейся Новой Франции. Иезуиты в Квебеке пытались убедить Мезоннева отказаться от своего предприятия. По их словам, на острове Монреаль не было жителей, он находился на прямом пути следования могавков, которые ежегодно посещали Оттаву и Сент-Лоуренс, и быстрое уничтожение, несомненно, стало бы судьбой колонии. Но Мезоннева нельзя было сдвинуть с намеченной цели; он поехал бы в Монреаль, даже "если бы каждое дерево на этом острове превратили в ирокезов".

В сопровождении отца Вимона, настоятеля ордена иезуитов, и губернатора Монмани Мезоннев поднялся вверх по реке и 15 октября официально вступил во владение островом от имени "Общества Монреальской Богоматери". Колонисты провели зиму в Сен-Мишеле, недалеко от Силлери, поскольку в зданиях Квебека для монреальцев не было места. 8 мая 1642 года Мезоннев повел свою компанию — на катере, барже и двух гребных лодках — к месту основания новой колонии. Здесь же были отец Вимон и мадам де ла Пельтри, которая в кои-то веки бросила своих урсулинок, чтобы сопровождать Жанну Манс в поле, где царили еще большие волнения и опасности. 18 мая в том месте, где сейчас в изобилии расположены высокие склады и где никогда не смолкает разнообразный шум уличного движения большого города, они установили алтарь, и отец Вимонт освятил островную миссию. В ходе своей проповеди он произнес пророческие слова: "Ты - горчичное зерно, которое взойдет и будет расти до тех пор, пока его ветви не затмят землю. Вас мало, но ваша работа - это работа Бога. Его улыбка над вами, и ваши дети наполнят страну". Город Монреаль, трепещущее сердце деловой жизни Канады, с его полумиллионным населением и его великолепными благотворительными, религиозными и образовательными учреждениями, является воплощением его слов.

Но начало было слабым и обескураживающим. Несколько домов, окруженных ветряной мельницей и фортком и соединенных пешеходной дорожкой там, где сейчас проходит улица Сен-Поль, представляли собой зачатки Монреаля, или Виль—Мари, как окрестило поселение Парижское общество.

Ирокезы вскоре узнали о Вилле Мари. В течение нескольких месяцев сюда наведальась группа могавков, которые собирали скальпы, убили нескольких рабочих и ранили других. О раненых заботилась Жанна Манс, у которой отныне никогда не было недостатка в пациентах. Между рабочими, случайно пострадавшими в лесу, и ранеными в боях с ирокезами заботливая медсестра и ее помощники всегда были заняты. Многие из ее пациентов были дружелюбными индейцами, пострадавшими во время набегов; иногда даже тяжело раненного ирокеза доставляли в грубую больницу.

Но миссия не росла. Алгонкины и гуроны считали остров Монреаль слишком открытым для постоянного поселения, поскольку ирокезы всегда обитали поблизости. Ни в одно время года Виль-Мари не был защищен от нападения; днем и ночью жителям приходилось быть начеку, и часто крик "Ирокезы!" заставлял все население искать убежища в форте. В течение пятнадцати лет численность населения практически не менялась, и год за годом люди сталкивались с одними и теми же опасностями и лишениями. Но Мезоннев и Жанна Манс надеялись на это, уверенные, что Вилле Мари суждено славное будущее. В 1653 году Маргарита Буржуа, женщина с большим характером, прибыла в колонию, чтобы открыть школу. Не обнаружив белых учеников, она собрала вокруг себя нескольких краснокожих детей и устроила свою классную комнату в конюшне, выделенной ей Мезонневым. Вскоре пришли другие ученики, и среди них несколько белых детей. В 1658 году она вернулась во Францию, чтобы нанять помощников, и когда в следующем году она возобновила свою работу в Вилле Мари, то уже в качестве главы "Конгрегации сестер Нотр-Дам", организации, которая настолько сильно развилась, что ее влияние ощущается не только в Канаде, но и в Соединенных Штатах.

Тем временем, в 1642 году аббат Олье основал семинарию Сен-Сюльпис в Париже; и в течение прошедших лет усердно готовил миссионеров, которые должны были взять на себя духовное руководство Виль-Мари. С момента его основания иезуиты Понсе, Дю Перон, Ле Мойн и Пийар, прошедшие тяжелую школу Гуронской миссии, а также Ле Жени и Друйетты служили жителям. Но в августе 1657 года сульпицианские священники Габриэльде Кейлюс, Габриэль Суар и Доминик Галинье прибыли в Виль-Мари, и иезуиты немедленно передали им приход. Отныне Вилле Мари был особой заботой сульпицианов, доставляя им на долгие годы достаточно трудностей и опасностей. Опасность со стороны ирокезов не уменьшалась. Не проходило и месяца, чтобы не прозвенел тревожный звонок, предупреждающий поселенцев о приближении дикарей. Даже священники выполняли свои обязанности с мечами наготове; и двое из них, Виньяль и Ле Мэтр, пали от удара томагавком. Только мужество, бдительность и дальновидность Мезоннева и таких людей, как старший сержант Ламбер Клосс, отдавший свою жизнь за колонию, спасли Вилле Мари от полного уничтожения. И с годами ирокезы осмелели. Рассеяв гуронов и алгонкинов, они теперь угрожали каждой фактории и миссионерской станции в Канаде.

В 1660 году наступил кульминационный момент. Ранней весной того же года измученная миссия в Виль-Мари узнала, что несколько сотен ирокезов, зимовавших в верховьях Оттавы, спускаются вниз и что другая орда, приближающаяся со стороны Ришелье, присоединится к их силам. Целью дикарей было уничтожить Виль-Мари, Три-Риверс и Квебек, а также стереть с лица земли французов на реке Святого Лаврентия раз и навсегда.

В это время в Виль-Мари находился молодой солдат по имени Адам Долак, или Доллард, сьер де Ормо, двадцати пяти лет от роду. Он считал, что лучшая защита - это нападение, и смело

предложил подняться по реке Оттава с отрядом из шестнадцати добровольцев и подстеречь ирокезов, наступающих с северо-запада. Итак, доблестные молодые люди попрощались со своими друзьями и отправились в путь. На двух больших каноэ они поплыли вверх по Оттаве, мимо быстрых вод Сент-Энн, по ровному участку озера Двух гор, вверх по бурному течению в Карильоне, а затем к порогам Лонг-Солта. Здесь они остановились; это было подходящее место для битвы. Ирокезы никогда не ожидали встретить здесь горстку французов, и они могли быть застигнуты врасплох, когда мчались вниз по стремнине. На ровном участке у подножия Солта был наготове грубый форт - частокол, который прошлой осенью служил убежищем для военного отряда алгонкинов. Французы вытащили каноэ на берег, а провизию и боеприпасы сложили в форте. Затем все, кроме бдительных часовых, улеглись на столь необходимый отдых. На следующий день отряд Долака был усилен четырьмя алгонкинами и сорока гурунами, которых возглавлял вождь Аннахотаха, заклятый враг ирокезов, который не раз жестоко мстил врагам своего народа. Долак, теперь командовавший шестьюдесятью людьми, уверенно ждал ирокезов. Тем временем были пущены в ход топор, пила и лопата, чтобы возвести второй ряд частоколов и засыпать пространство между ними землей на высоту груди человека. Разведчики отправились в путь и обнаружили лагерь ирокезов и, наконец, принесли известие, что два каноэ преодолевают пороги. Долак поспешно разместил нескольких своих лучших стрелков в засаде в том месте, где ирокезы, скорее всего, должны были высадиться. Однако мушкетеры, охваченные азартом, убили не всех гребцов на каноэ. Двое ирокезов спаслись бегством и помчались обратно через лес, чтобы предупредить своих соплеменников, и вскоре по бурным водам спустилась сотня каноэ. Мгновение Долак и его люди наблюдали за наступающими дикарями. Затем они ворвались в форт, чтобы подготовиться к битве. На их защиту бросились ирокезы. Снова и снова защитники отбрасывали их назад с большими потерями. И в течение недели героический отряд, питавшийся скудным рационом толченой кукурузы и водой из колодца, который они вырыли на территории форта, сдерживал нападавших. За это время ирокезы получили большое подкрепление, но безрезультатно. Наконец они сделали щиты из расщепленных бревен, достаточно тяжелые, чтобы противостоять пулям; и вскоре сбитые с толку защитники форта увидели, что на них надвигается деревянная стена. Они стреляли быстрыми, отчаянными залпами; несколько щитоносцев упали, но их места быстро заняли те, кто был сзади. У подножия частокола ирокезы отбросили щиты и с топором в руке прорубили брешь. Пришел конец. Ирокезы проломили стену. Но Долак и его люди стояли до последнего, размахивая ножами и топорами, в то время как ирокезы с яростными боевыми криками ворвались в форт; и когда звуки битвы стихли, в живых, но смертельно раненых, осталось только трое французов, на которых дикари могли излить свою месть.

[Примечание: История драки была доведена до Монреаля несколькими гурунами, которые дезертировали из отряда Долака и сбежали.]

Ирокезы победили, но у них не хватило духу совершать набеги на поселения. Если бы семнадцать французов с помощью нескольких индейцев могли сдерживать своих хозяев в течение недели, было бы бесполезно атаковать сильно укрепленные посты. И вот Долак и его люди при этих "канадских Фермопилах" действительно отвели волну войны от Новой Франции. Поселения были спасены, и какое-то время торговцы и миссионеры беспрепятственно путешествовали по рекам Святого Лаврентия и Оттавы.

В 1663 году, когда Людовик XIV взял Новую Францию под свое крыло, оставшиеся в живых члены первоначального Общества Монреальской Богоматери передали остров Сульпицианам,

которые взяли на себя обязательства Общества и взяли на себя заботу об образовании жителей и уходе за больными. Четыре года спустя семинария Сен-Сюльпис получила судебные права при миссии Виль-Мари. В 1668 году в колонию прибыли еще пятеро сульпицианов, среди них Рене де Галини и Доллье де Кассон, которым предстояло прославиться как миссионерам и исследователям. Многие сульпицианские миссии выдвинулись из Виль-Мари вдоль верховьев реки Святого Лаврентия и северного берега озера Онтарио.

В начале восемнадцатого века цвет лица Виль-Мари, тогда обычно называвшегося Монреалем, несколько изменился. Иезуиты, Реколле, вернувшиеся в Новую Францию в 1670 году, и сульпицианы - все они трудились там. Более того, из простой миссионерской станции он превратился в важный торговый центр; и в этом качестве он должен был продолжаться. По своему расположению он был хорошо приспособлен для торговли мехом, и после того, как в 1760 году им завладели британцы, он стал центром большой торговли пушниной на севере и западе. Но его славные дни - это дни его зарождения, дни Мезоннева и Долака, Жанны Манс и Маргариты Буржуа, Рене де Галине и Доллье де Кассона.

ГЛАВА X

ИССЛЕДОВАТЕЛИ - МИССИОНЕРЫ

Установление королевского правительства в 1663 году дало новую жизнь канадским миссиям, и миссионеры продвигались вперед с неослабевающим рвением. Они проникли в самые отдаленные известные племена и проложили новые тропы для торговцев и поселенцев в западных и северных диких местностях. У нас нет здесь места, чтобы рассказывать историю этих следопытов, но можно привести несколько примеров. В 1665 году отец Клод Аллуэз отправился на озеро Верхнее, чтобы начать двадцатипятилетнее путешествие среди индейцев в регионе, который сейчас является частью штатов Мичиган, Висконсин и Миннесота. В 1666 году отец Габриэль Друиллетт, "патриарх" миссии Абнаки, который уже нес Крест кри на севере, начал свои труды среди алгонкинов Джорджиан-Бей и озера Верхнее. В 1669 и 1670 годах сульпицианы Доллье де Кассон и Рене де Галини исследовали и нанесли на карту озеро Эри и воды между ним и озером Гурон. В 1670 году отец Клод Даблон, настоятель западных миссий, присоединился к отцу Аллуэзу в миссии Святого Франсуа-Ксавье в Грин-Бей; и среди виннебагов этого региона, а также Маскаutow и Майами между реками Фокс и Висконсин он узнал о "знаменитой реке под названием Миссисипи". В 1672 году отец Чарльз Альбанель трудился от Сагеней до Гудзонова залива, частично в качестве миссионера, но главным образом для того, чтобы заявить права на страну для Новой Франции и понаблюдать за деятельностью недавно основанной Гудзоновой церкви. Компания залива.

Было 25 мая 1670 года, когда Галини и Кассон прибыли в Су-Сент-Мари после трудного путешествия на каноэ из своего зимнего лагеря на озере Эри, недалеко от нынешнего города Порт-Дувр. В Солте они нашли процветающую миссию. В нем была просторная часовня и удобный жилой дом; он был окружен частоколом кедров, а вокруг него были возделанные участки земли, засеянные пшеницей, индийской кукурузой, горохом и тыквами. Неподалеку виднелись скопления вигвамов из коры, жилища оджибва и других индейцев, которые каждый год приезжали сюда ловить сига, который кишел в водах порогов перед поселением.

Одним из священников, возглавлявших эту миссию, когда сульпицианы остановились на обратном пути в Монреаль, был молодой иезуит Жак Маркетт, человек утонченного склада,

несгибаемой воли, острого интеллекта и горячей веры. Ему не пришлось долго оставаться в Су-Сен-Мари, ибо он услышал "зов запада"; летом этого года он отправился в миссию Святого Эспри в Ла-Пуэнте, на юго-западном берегу озера Верхнее. Здесь собралось пестрое собрание индейцев, среди которых было много гуронов и петунов, бежавших в этот отдаленный пост, чтобы оказаться вне досягаемости ирокезов. Эти изгнанники из Гуронии все еще помнили иезуитов и сохранили "немного христианства". Сент-Эсприт был не только миссией; это был центр торговли мехами, и сюда приезжали индейцы Иллинойса с Миссисипи и сиу из западных прерий. От них Маркетт узнал о великой реке, и из их описания он пришел к убеждению, что она впадает в Калифорнийский залив. У него было горячее желание посетить дикие орды, обитавшие вдоль этой реки, и страстное желание исследовать ее до самого устья. Но пока он размышлял о путешествии, разразилась война между сиу - ирокезами запада - и гурунами и оттавами Сент-Эспри. Сиу победили, и побежденные гуруны и оттавы обратились в бегство: гуруны отправились в Мичилимакинак, а оттавы - на Большой остров Манитулин. Маркетт последовал за гурунами и организовал миссию в Пойнт-Сен-Игнас, на северном берегу Мичилимакинакского пролива.

Тем временем "великий интендант" Тэлон продвигался во всех направлениях в поисках новых территорий для присоединения к французским владениям в Америке. И незадолго до окончания своего блестящего правления он поручил исследователю Луи Джоллиету найти и исследовать Миссисипи, о которой так много слышали от миссионеров, торговцев и индейцев. Как и Маркетт, Тэлон верил, что эта река впадает в Западное море — Тихий океан — и что она откроет путь в Китай и Индию; и было приказано, чтобы Маркетт сопровождал Джоллиета в этом путешествии.

Жолье покинул Монреаль осенью 1672 года и добрался до Мичилимакинака, где ему предстояло провести зиму с Маркеттом, как раз в тот момент, когда на озерах и реках начал образовываться лед. Когда Маркетт остановил свое каноэ перед обнесенной частоколом миссией в Пойнт-Сент-Игнас, он почувствовал, что его амбиции вот-вот осуществляются. Он был разочарован в своей пастве алгонкинов и слабых остатках гуронов и надеялся собрать вокруг себя на Великих Равнинах, орастительности и дичи которых он слышал чудесные рассказы, множество индейцев, которые приветствовали бы его Евангельскую весть. Даблон и Аллуэз уже побывали на окраинах этой страны, и их успех был свидетельством того, что впереди их ждут великие свершения.

Зима тянулась для Маркетта медленно; но наконец, 17 мая 1673 года исследователь и миссионер с пятью помощниками — слишком слабая группа, чтобы рискнуть окунуться в неизвестность, — спустили на воду свои каноэ и направились на запад.

Исследователи сначала проложили свой курс вдоль северного берега озера Мичиган, затем повернули на юго-запад, пока не достигли устья реки Меномини, впадающей в Грин-Бей. Здесь они ненадолго остановились среди дружелюбных меномини, которые пытались убедить их отказаться от своей затеи. Согласно меномини, берега Миссисипи были наводнены дикими племенами, которые пытались и убивали всех, кто вторгся в их владения. Поскольку этого показалось недостаточным, чтобы обескуражить Джоллиета и Маркетта, они добавили, что демоны населяют земли, граничащие с рекой, а монстры - саму реку, и что, даже если они спасутся от дикарей, демонов и чудовищ, они погибнут от чрезмерной жары в стране. И Джоллиет, и Маркетт уже слышали подобные истории от индейцев. Продвигаясь к южной

оконечности Грин-Бэй, они вошли в реку Фокс и поднимались по ней, пока не достигли озера Виннебаго. После пересечения этого озера они продолжили движение на запад вверх по продолжению реки Фокс. Теперь они были в стране Маскаutow и Миами. Страна кипела жизнью; птицы наполняли воздух хлопанием крыльев и пением; по мере того как путешественники продвигались все дальше на запад, олени и лоси выходили из своих лесных логовищ, чтобы удивленными глазами посмотреть на этих незнакомых пришельцев, вторгшихся в их логово. Маскаутены были дружелюбны и снабдили путешественников мясом бизона и оленьей, а также проводниками, которые провели их через водораздел к Висконсину. Они перенесли каноэ по лесной тропе и спустили их на воду по этой реке, а затем с ликующими сердцами двинулись вперед на последнем этапе своего путешествия к Миссисипи. Наконец, 17 июня, они достигли великой реки и высадились на том месте, где сейчас находится Прери-дю-Шьен. Они чувствовали себя победителями, но победителями, величайшая битва которых еще впереди. С далекого севера вытекала эта таинственная река; но куда она направлялась? Неслись ли эти воды вперед, пока не затерялись в Тихом океане, или же они вливались в какой-нибудь южный залив Атлантики? Таковы были вопросы, которые волновали умы этих первых французов, увидевших "Отца Вод" [Примечание: Считается возможным, что в 1658-59 годах Пьер Эспри Рэдиссон и Медард Шуар де Гросеи пересекли Миссисипи, охотясь за пушниной в местности к западу от озера Верхнее; но на этот счет есть элемент сомнения. Если не считать испанцев, Джоллиет и Маркетт, насколько известно, были первыми белыми людьми на Миссисипи.] вопросы, на которые не было ответа до тех пор, пока Ла Саль девять лет спустя не спустился вниз по реке и из ее устья не увидел широкие просторы Мексиканского залива.

После короткого отдыха группа спустила на воду свои каноэ и больше недели дрейфовала вниз по течению, ставя свои каноэ на якорь посреди реки на ночь, опасаясь нападения враждебных индейцев. Но за это время они не увидели ни одного человека; единственными живыми существами, которые привлекли их внимание, когда они мчались мимо лесов и равнин, были олени, пасущиеся по берегам, птицы, кружащие над головой, и огромные стада буйволов, двигавшиеся, как огромные армии, по травянистым склонам. Наконец они добрались до деревни в дружелюбном Иллинойсе, и здесь их угостили рыбой, собакой и мясом бизонов, а теплую летнюю ночь они провели под открытым небом, спя на шкурах бизонов. Находясь в этой деревне, Маркетт, обладавший редким даром владения языками, обратился к жителям Иллинойса на алгонкинском и таким образом впервые проповедовал Евангелие индейцам Миссисипи. Здесь хозяева предупредили их об опасностях, на которые они направлялись — на юге их ждала смерть от дикарей или демонов — и вручили им калумет в качестве паспорта, чтобы защитить их от племен внизу.

Покинув эту деревню, исследователи наткнулись на "отвратительное чудовище", огромную рыбу, появление которой почти заставило их поверить рассказам индейцев. По словам Маркетта: "Голова у него была как у тигра, нос острый и чем-то напоминал дикого кота; борода длинная, уши торчком, цвет головы серый, а шея черная". Исследователи пронеслись дальше мимо устья Иллинойса. В нескольких милях над нынешним городом Алтон они остановились, чтобы полюбоваться высокими скалами, на которых были изображены сказочные существа. "Они, - писал Маркетт в своем рассказе, - величиной с теленка, с головой и рогами, как у козла; глаза у них красные; борода, как у тигра, а лицо, как у человека. Их хвосты такие длинные, что проходят над головой, между передними лапами, под брюхом и заканчиваются как рыбий хвост. Они раскрашены в красный, зеленый и черный цвета. "Индейцы Миссисипи, безусловно, были не лишены воображения и обладали некоторыми художественными способностями. Без

сомнения, именно эти изображенные камни породили у меномини и Иллинойса истории о демонах, которыми они потчевали Маркетта и Джоллиета.

Пока путешественники все еще обсуждали изображенные скалы, их каноэ начало подбрасывать на стремительной воде, и они оказались среди падающих бревен и валящихся деревьев. Они были в устье Миссури. Когда они миновали это опасное место, Маркетт решил, что однажды он поднимется по этой реке, чтобы "проповедовать Евангелие всем народам этого Нового Мира, которые так долго пресмыкались во тьме неверия".

Все еще вперед, в неизвестность! В устье Огайо, которое индейцы тогда называли Уабускигон [Примечание: это слово, а также слово Огайо, или О-хе-хо, означает "Красивый".] — они остановили свои каноэ, чтобы отдохнуть, а затем продвинулись немного дальше на юг, к деревне в Иллинойсе. Жители этой деревни носили европейскую одежду и имели при себе бусы, ножи и топоры, полученные, без сомнения, от испанцев. Индейцы сказали исследователям, что устье реки находится всего в десяти днях пути, тогда как на самом деле оно находилось в тысяче миль отсюда. Но с возросшей надеждой французы снова спустили на воду свои каноэ и двинулись дальше, пока не достигли устья Арканзаса. Здесь они столкнулись с первой демонстрацией враждебности. Индейцы, натянув луки и подняв боевые дубинки, угрожали уничтожением этим неизвестным белым; но Маркетт, спокойный, мужественный и уверенный в себе, стоял на носу своего каноэ и высоко держал калумет, подаренный ему Иллинойсом. Паспорт соблюдался, и старейшины деревни, находившейся неподалеку, пригласили путешественников на берег и угостили их сагамином и рыбой. Покинув эту деревню, они направились на юг на двадцать с лишним миль к другой деревне в Арканзасе. Отношение местных индейцев встревожило их, и это, наряду с опасением, что устье Миссисипи находится гораздо дальше, чем им внушали, заставило их вернуться.

Теперь Джоллиет и Маркетт были довольны тем, чего достигли. Направление реки на юг убедительно доказывало, что она не могла впасть в Калифорнийский залив, и, поскольку они находились на широте 33 градуса 41 минута, река не могла впасть в Атлантику в Вирджинии. Следовательно, он должен впасть в море либо у побережья Флориды, либо в Мексиканском заливе. Более того, дальнейшее движение лишь добавило бы утомительных миль к трудному обратному путешествию. Но главную причину возвращения лучше всего изложить собственными словами Маркетта:

Мы считали, что преимущество нашего путешествия было бы полностью утрачено для нашей нации, если бы мы попали в руки испанцев, от которых мы не могли ожидать иного обращения, кроме смерти или рабства; кроме того, мы видели, что не готовы противостоять индейцам, союзникам европейцев, которые постоянно наводняли нижнюю часть реки.

17 июля, всего через месяц после того, как они впервые увидели воды Миссисипи, исследователи повернули свои каноэ на север. Немного южнее реки Иллинойс несколько дружелюбных индейцев рассказали им о более коротком пути к озеру Мичиган, чем по маршруту Висконсин и Фокс-Ривер. Эти индейцы очень хотели, чтобы Маркетт остался с ними и основал миссию. Он не смог выполнить их просьбу, так как в районе низовий Миссисипи, зараженном миазмами, он заразился тяжелой малярийной лихорадкой; но он пообещал вернуться к ним, как только позволит его здоровье. Теперь к исследователям присоединились

вождь и группа индейцев в качестве проводников к озеру Мичиган, и с ними они поднялись по Иллинойсу, а затем по реке Дес-Плейнс. От реки Дес-Плейнс они перетащили свои каноэ к реке Чикаго и спустились по ней к озеру Мичиган. Они прибыли в Грин-Бей в конце сентября, проехав в общей сложности с тех пор, как покинули это место, более двух с половиной тысяч миль. Маркетт был слишком болен, чтобы идти дальше, и остался в Грин-Бей набираться сил, в то время как Джоллиет поспешил в Квебек, чтобы доложить Фронтенаку о результатах своей экспедиции. К сожалению, каноэ, в котором путешествовал Джоллиет, перевернулось в Лачинских порогах, и бумаги, содержащие его карты и отчет о путешествии, были утеряны; однако он смог по памяти воспроизвести историю своих странствий, подобных Улиссу.

К осени 1674 года Маркетт решил, что его здоровье полностью восстановилось, и, получив разрешение своего настоятеля, 25 октября отправился в штат Иллинойс, чтобы основать миссию Непорочного Зачатия. В этом путешествии его сопровождали два помощника — два настоящих героя, известных истории только как Пьер и Жак, и группа жителей Потаватоми и Иллинойса. На десяти каноэ отряд двинулся на юг от Грин-Бэй, почти месяц бороздя бушующие осенние воды озера Мичиган. Они поднялись по реке Чикаго на шесть миль и разбили лагерь. Маркетт не мог идти дальше; он снова был разбит болезнью, и сильное кровотечение грозило унести его с собой. Но его доблестный дух победил, и зимой он смог служить некоторым иллинойцам, которые стояли лагерем неподалеку и время от времени навещали его. К весне он настолько оправился, что решил отправиться в путешествие к Миссисипи, твердо решив основать миссию среди тамошних племен. 13 марта он и двое его помощников свернули лагерь и перетащили свое каноэ к реке Дес-Плейнс. Недалеко от слияния этой реки с Иллинойсом находился индейский городок Олд-Каскаския. Индейцы этого города оказали ему прием, достойный завоевателя, каким он и был на самом деле. Он ходил среди них, уча и проповедуя; но мозг и тело горели в лихорадке; он чувствовал, что жить ему осталось недолго, и если он хочет умереть среди своего народа, он должен поспешить домой. Он созвал индейцев на большой совет. И в одном из первых Божьих храмов — на лугу, усыпанном весенними цветами и покрытом голубым небесным сводом, — он проповедовал перед собранием из более чем трех тысяч человек — вождей, воинов, женщин и детей. Закончив проповедь, он благословил своих слушателей и, оставив свои слова запасть в их сердца, попрощался с ними.

Пьер и Жак приготовили каноэ, и путешествие в Мичилимакинак началось. Когда они достигли озера Мичиган, Маркетт был в полубессознательном состоянии. Пока он лежал на одежде, сваленной в кучу на дне каноэ, его верные приспешники яростно гребли, чтобы добраться до места назначения. Но их усилия были напрасны; Маркетт увидел, что его конец приближается, и приказал им повернуть каноэ к берегу. И 19 мая 1675 года на суровом берегу озера Мичиган этот герой Креста, величайший из исследователей-миссионеров, обрел покой. Ему было всего тридцать восемь; он не закончил свою работу; он не реализовал свои амбиции; но память о нем жива, как о силе добра, как о человеке, который осмеливался, терпел и страстно следовал по пути заходящего солнца.

ГЛАВА XI

ПОСЛЕДНЯЯ ФАЗА

Священники продолжали трудиться на своих миссионерских полях от Кейп-Бретона до Миссисипи и на север, к Гудзонову заливу, везде, где были индейцы. Только в стране ирокезов им не удалось прочно обосноваться. Ближайшие соседи ирокезов, англичане Нью-Йорка и

Новой Англии, встревоженные набегами французов и индейцев на свои границы и считавшие всех французов врагами, делали все возможное, чтобы уничтожить влияние французских священников и не допустить их в страну. Лорд Белломонт, губернатор Нью-Йорка, даже пригрозил повесить любого священника, найденного в его колонии. Тем не менее, иезуиты предприняли еще одну попытку в 1702 году, но она не увенчалась успехом, и несколько лет спустя миссия ирокезов была заброшена.

Среди алгонкинских племен старый страх перед священниками исчез, и их повсюду приветствовали как друзей. Им больше не угрожало покушение, и, если не считать трудностей, неизбежных при жизни в дикой природе, их участь не была неприятной. Возможно, их злейшим врагом была торговля бренди, которую вели курьеры из буа, которая принесла с собой пьянство, болезни, распущенность и преступность. Миссионеры боролись с этим злом при искренней поддержке Лавалья, великого епископа Квебека, и его преемников. Если бы не их сопротивление, вполне вероятно, что индейцы, вступившие в контакт с французами, были бы полностью уничтожены; как бы то ни было, бренди проредило их численность не меньше, чем война. Некоторые курьеры из буа, которые выставляли свои товары и обменивали их на меха на миссионерских станциях, были священникам почти так же противны, как бренди, которое они предлагали. Среди них было много достойных людей, таких как великий Ду Лут; но большинство были "белыми дикарями", чье поведение сводило на нет учение и пример миссионеров.

Таким образом, миссии продолжались до тех пор, пока не пришли британцы. Более пятидесяти лет конфликт между двумя нациями за господство продолжался с перерывами; и, наконец, в 1760 году французы спустили свой флаг и ушли. Победители относились к религиозным орденам с недоверием; они рассматривали священников как политических агентов; и они издали эдикт, согласно которому те иезуиты и реколлеты, которые были в Канаде, могли остаться и "умереть там, где они есть, но они не должны увеличивать свое число". Из иезуитов осталось только двенадцать, и последний из них, отец Казот, умер в 1800 году.

Оглядываясь назад на работу миссионеров в Новой Франции, можно подумать, что их видимый урожай был скудным, поскольку индейские расы, ради которых они трудились, исчезли из истории и, по-видимому, обречены на вымирание. Это, конечно, происходит по естественным причинам, над которыми священники не имели никакого контроля и которые, к счастью, были бы у них в противном случае. Не подлежит сомнению, что их работа была направлена на благо местных жителей. Но бесценный вклад миссионеров заключается в примере, который они подали миру. В течение большей части двух столетий, проведенных в дикой местности, они вели себя мужественно и хорошо сражались. Известно, что за все это время ни один из мужчин в этой длинной процессии миссионеров не опозорил себя или не проявил трусости перед лицом опасности или бедствия.

Влияние священников, однако, не ограничивалось индейцами. Оно распространилось на всю колонию и живет по сей день. Ни в одной стране мира нет более миролюбивых и добрых, нравственных и набожных людей, чем в провинции Квебек, главным образом потому, что они сохранили в своей первобытной простоте уроки, преподанные духовенством Новой Франции. Когда Революция смела религию и мораль в Старой Франции, она оставила нетронутыми французов Канады; и потомки крестьян Анжу, Пикардии и Пуату сохранили в Новом Свете верования и обычаи, простую веру и почтение к авторитетам своих предков из Старого Света. На всей территории Новой Франции священники и монахини были учителями народа. А

семинарии, школы и колледжи, которые они основали, продолжают формировать мораль и характер современных франко-канадцев.

Можно усомниться в том, мудро ли действовало британское правительство после победы в Канаде в подавлении религиозных орденов. Во всяком случае, после неудачных восстаний 1837 года правительство приняло более щедрую политику; иезуиты и облааты приезжали в Канаду во все большем количестве, чтобы заново заняться миссионерской работой. Подобно жрецам древности, они отправились в пустыню, где не было слишком больших трудностей, которые можно было бы преодолеть, и опасностей, на которые нельзя было бы пойти. В долине Маккензи, на далеком Юконе и среди холмов Британской Колумбии они водрузили Крест, основав миссии и школы.

Но великая эпоха Церкви в Канаде была героической эпохой Лалемана и Бребефа, Жога и Брессани, Аллуэза и Маркетта. Их воспоминания - это живые огни, освещающие пути всех работников среди тех, кто пребывает в духовной тьме. Решимость этих первых миссионеров не поддаваться лишениям, пыткам или угрозе смерти сама по себе служила во время испытаний и опасностей для укрепления миссионеров всех стран. Бребеф по-прежнему живет и трудится в диких районах Канады; Маркетт по-прежнему устремляется в неизвестность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

"Родственники" иезуитов, конечно, являются главными источниками информации. Обратитесь к изданию под редакцией Р. Г. Твейтса "Отношения иезуитов и документы союзников", семьдесят три тома (1896-1901). Здесь приводится оригинальный французский текст с переводом на английский. См. также Рошмонте, "Иезуиты и Новая Франция"; Паркман, "Пионеры Франции", "Старый режим в Канаде", "Иезуиты в Северной Америке", "Ла Саль и открытие Великого Запада", "Фронтенак и Новая Франция"; Харрис, "Пионеры Креста в Канаде"; Джонс, "Старая Гурония", пятый отчет Архивного бюро провинции Онтарио; Маршалл, "Христианские миссии"; Кэмпбелл, "Священники-первопроходцы Северной Америки".

Следующие общие исторические труды содержат много ярких страниц о миссиях: Файлон, "История Французской колонии"; Шарлевуа, "История Новой Франции"; Буше, "Канада в семнадцатом веке"; Сагард, "История Канады"; Кингсфорд, "История Канады"; Шортт и Даути, "Канада и ее провинции" (особенно глава во втором томе выдающегося священника преподобного Льюиса Драммонда, S.J.); Уинзор, "Повествовательная и критическая история Америки".

Справочниками с ценными статьями о миссиях и индейцах являются: "Католическая энциклопедия"; Ходж, "Справочник американских индейцев к северу от Мексики"; Уайт, "Справочник индейцев Канады", адаптированный по Ходжу.